

ЗОНА ПОТОМКОВ

ВЛАД ВЕЛИРСКИЙ

Влад Велирский

Зона потомков

«Автор»

2026

Велирский В.

Зона потомков / В. Велирский — «Автор», 2026

После аварии проекта «Наследие» северный Крайск окружила Кромка — территория, где вероятные решения ещё не рождённых людей обретают материальную силу. Картограф Егор Таль тайно проводит туда сборщиков, надеясь снять с пятнадцатилетней дочери метку, которая заранее назначает ей место жизни, профессию и даже будущий союз. Но найденный механизм не освобождает человека: он лишь переносит обязательность на тысячи других судеб. Чтобы спасти Миру, Егор нарушает её прямой запрет и запускает процесс, способный превратить весь город в единственную «устойчивую» ветвь. Теперь отец и дочь должны сохранить предупреждение из будущего, не позволив ему стать приказом. «Зона потомков» — напряжённый научно-фантастический роман об опасной экспедиции, цене гарантированного спасения и праве каждого поколения выбирать собственный путь.

© Велирский В., 2026

© Автор, 2026

Содержание

От автора	5
Глава 1. Карта, которая исправляет картографа	6
Глава 2. Метка линии	10
Глава 3. Цена проводника	15
Глава 4. Договор без доверия	25
Глава 5. Первый ответник	30
Глава 6. Кордон Лады Рен	37
Глава 7. Обвал возможного	44
Конец ознакомительного фрагмента.	48

Влад Велирский

Зона потомков

От автора

Мы привыкли думать о будущем как о территории, куда ещё никто не добрался. Поэтому оно кажется бесхозным: его можно планировать за детей, закладывать в расчёты, обещать в политических программах и спасать любыми средствами. Но у будущего есть жители — пусть они ещё не родились и мы ничего о них не знаем. Самая трудная часть заботы о них состоит именно в этом незнании.

«Зона потомков» начинается с невозможного явления, однако говорит о вполне земном соблазне. Что произойдёт, если предупреждение о грядущей беде можно будет превратить в обязательный маршрут? Где проходит граница между предусмотрительностью и принуждением? И вправе ли любовь требовать гарантии, когда ценой гарантии становится чужая свобода?

Это роман об отце и дочери, которым предстоит пройти опасную территорию и заново определить смысл слова «защита». Егор умеет читать причинные следы, но хуже понимает решения близкого человека. Мира живёт под знаком вероятности, которую взрослые приняли за её судьбу. Вокруг них сталкиваются люди, одинаково серьёзно относящиеся к будущему и потому выбирающие несовместимые способы его сохранить.

Кромка в этой книге не исполняет желания и не раздаёт чудеса. Любая её помощь имеет точную человеческую цену: удобное решение становится единственным, а возможность — обязанностью. Поэтому важнее всего здесь не угадать грядущее, а сохранить право отвечать на него по-разному.

Эту историю лучше читать как путь, а не как задачу с заранее известным правильным ответом. Карта покажет опасности. Выбор всё равно останется за теми, кто идёт.

Глава 1. Карта, которая исправляет картографа

Репер номер сорок семь стоял не там.

Егор заметил это ещё с насыпи, когда до бетонного столбика оставалось метров двести. Луч налобного фонаря выхватывал из темноты мокрые головки рельсов, чёрный щебень и редкие стебли прошлогодней травы. За путями начиналась Кромка. Там ночь была не темнее, чем над Крайском, но звёзды казались расставленными с небольшими ошибками, словно кто-то восстанавливал небо по памяти.

Он остановился и сверился с планшетом. На официальном слое сорок седьмой репер находился у основания старой сигнальной мачты. В действительности белая головка торчала на тринадцать метров севернее, почти у водоотводной канавы.

— Таль, опять завис? — спросил в наушнике диспетчер.

Егор опустил планшет, чтобы камера на каске не увидела экран целиком.

— Проверяю поправку на осадку насыпи.

— За прошлую неделю она не могла осесть на тринадцать метров.

— Поэтому и проверяю.

Он отключил передачу звука будто из-за помех и спустился с насыпи. Глина под ногами была вязкой, хотя дождь закончился два дня назад. На границе вода тоже вела себя как нерешительный человек: выбирала русло, возвращалась, иногда оставляла мокрый след выше того места, куда могла подняться.

Егор работал на внешнем контуре одиннадцать лет и не верил в капризы Кромки. У любого сдвига была причина. Причина могла находиться через неделю, в чужой биографии или в решении человека, который ещё не знал, что станет участником события, — но она была. Задача картографа состояла не в том, чтобы понять её. Задача состояла в том, чтобы отметить опасность раньше, чем по ней проложат автобусный маршрут.

Сорок седьмой репер отбрасывал две тени. Одну — от фонаря Егора, вторую — к фонарю, тонкую и неподвижную.

Он присел, не касаясь бетона. Пломба цела. Болты в основании покрыты старой ржавчиной. Земля вокруг не вспахана и не продавлена. Столбик не переносили: его как будто установили здесь много лет назад, хотя позавчера Егор собственными руками протирал выбитый номер у мачты.

На планшете мигнула жёлтая рамка.

‘ОТКЛОНЕНИЕ КОНТРОЛЬНОЙ ТОЧКИ. ПОДТВЕРДИТЬ НОВОЕ ПОЛОЖЕНИЕ?’

Он выбрал «нет».

Рамка исчезла и возникла снова.

‘ПОДТВЕРДИТЬ ПОЛОЖЕНИЕ, КОТОРОЕ БУДЕТ ПРИНЯТО?’

Егор почувствовал, как под курткой холодеет спина. Такой формулировки в государственном картографическом комплекте не было. Он знал все предупреждения системы, включая безграмотные, оставшиеся от ранних версий. Это сообщение пришло не из программы.

Он снял перчатку и провёл пальцем по экрану. Жёлтая рамка не реагировала.

В наушнике зашипело.

— Таль, восстанови канал. Вышел за график на четыре минуты.

Егор включил звук.

— Вижу смещение. Фиксирую как локальную ошибку.

— Камеру разверни.

Он посмотрел на красный огонёк возле виска. Запись шла в городской архив непрерывно, но картографы умели создавать непрерывность из удобных фрагментов. Егор поднял голову к мачте, потом медленно повернулся, будто искал геодезическую марку. В этот момент боль-

шим пальцем нажал на корпусе планшета скрытую комбинацию. Экран погас на две секунды. Камера продолжала передавать, однако координатный слой ушёл в диагностическую перезагрузку.

Двух секунд хватило, чтобы вставить в боковой разъём тонкий накопитель.

Когда экран ожил, жёлтой рамки не было. Появилась обычная форма акта.

— Основание цело, — сказал Егор. — Вероятно, ошибка предыдущей привязки.

— Предыдущую привязку делал ты.

— Поэтому вероятность небольшая.

Диспетчер хмыкнул. Это был старший смены Глеб Шор, человек, который подозревал всех ровно настолько, чтобы не тратить силы на доказательства.

— Внеси фактические координаты. Утром вышлем бригаду.

— Принял.

Егор открыл форму и не стал вносить фактические координаты. Сначала он поднял архивный слой позавчерашней съёмки. Репер был у мачты. Затем наложил тепловую карту пограничных колебаний. Между двумя положениями тянулась бледная полоса шириной с тропу. Она огибала канаву, проходила по участку, который все карты отмечали как причинную зыбь, и уходила на северо-восток — туда, где под серой заливкой скрывался сектор Б-9.

В кармане у Егора лежал сложенный вчетверо лист. Бумагу на границе использовали не из романтики: Кромка могла исправить запись в памяти прибора, но не умела незаметно сдвинуть чернильную линию. Он достал лист, прикрывшись планшетом. На самодельной карте чёрная отметка стояла у входа в Б-9. Яна Вей утверждала, что там находится ответник, способный размыкать линии.

До этой ночи между внешним контуром и сектором не существовало ни одного проходимого коридора.

Теперь коридор появился.

Егор развернул тепловой слой назад по времени. В полночь полоса была едва заметна. В ноль сорок она пересекла железную дорогу. В час двенадцать репер переместился. В час двенадцать Егор сидел в служебной машине у южной проходной и решил, что после смены позвонит Яне.

Не позвонил. Только решил.

Он увеличил график. Полоса возникла за семь секунд до того, как решение оформилось у него словами.

— Глеб, — сказал он, стараясь не менять дыхание. — Были ночью заявки на проход в северо-восточный сектор?

— Отрицательно. Б-9 закрыт после декабрьского провала. А что?

— Поле тянется в ту сторону.

— В акт внеси. Умные люди утром посмотрят.

Умными людьми Глеб называл сотрудников Бюро преемственности. Они приезжали без опознавательных знаков, забирали приборы вместе с журналами и задавали вопросы, ответы на которые уже лежали перед ними в папках. После их визитов на картах появлялись ровные серые пятна. Иногда вместе с пятнами исчезали картографы.

Егор поднялся и прошёл к мачте. В прежней точке осталась квадратная выемка. Он очистил её от жидкой глины. На дне блеснул стальной штырь — не обломанный, а аккуратно срезаанный на уровне земли. Если Кромка перенесла репер целиком, почему старое крепление осталось?

Ответ пришёл, когда Егор совместил две точки мысленной линией. Репер не путешествовал. Мир выбрал другую историю его установки. В одной столбик поставили у мачты. В другой — у канавы. Обе оставили следы, но только одна теперь считалась настоящей.

Он посмотрел на собственные ботинки. Между ними в глине виднелись отпечатки подошв, ведущие от канавы к мачте. Его отпечатки. Обратных не было.

Егор не помнил, чтобы проходил здесь.

В наушнике раздался чужой голос — не Глеба, женский, ровный:

— Картограф Таль, оставайтесь на месте.

Он узнал голос Лады Рен. Руководительница Бюро редко выходила на полевой канал сама.

— Требуется повторная привязка? — спросил Егор.

— Требуется ваше присутствие. Не отключайте оборудование и не предпринимайте перемещений к северо-востоку.

На планшете появилась служебная блокировка. Лада видела отклонение. Возможно, видела и полосу.

Егор вытащил накопитель. Данные уже скопировались. Оставалось решить, что увидит утренняя бригада.

Если он внесёт новые координаты, Бюро перекроет коридор. Если сохранит старые, смещение обнаружат на рассвете и поднимут журнал его смены. Третий вариант требовал подделывать не точку, а причину: показать, будто репер сместился из-за обычного расползания локального поля на запад, подальше от Б-9.

За такую подмену он потеряет лицензию. Если Лада докажет умысел — свободу. Но официальный путь не оставлял Мира даже этого риска. Через восемь дней комиссия должна была окончательно утвердить её метку. После утверждения дочь не смогла бы покинуть Крайск, выбрать навигационную школу и вообще подписать договор дольше чем на год без согласия Бюро.

Егор открыл инженерный режим.

— Картограф Таль, подтвердите, что слышали распоряжение, — сказала Лада.

— Слышу плохо. Поле даёт помехи.

— Поле стабильно.

— Тогда аппаратура.

Он нашёл в архиве декабрьский провал и взял его сигнатуру. Система потребовала электронную подпись. Егор приложил палец. На миг ему представилось, как Мира увидит эту подпись в деле: ещё одну строку, которой отец распорядился за неё.

Он отдёргнул руку.

На экране снова появилась жёлтая рамка.

ПОДТВЕРДИТЬ ПОЛОЖЕНИЕ, КОТОРОЕ БУДЕТ ПРИНЯТО?

На этот раз под вопросом возникли два варианта. Не «да» и «нет», а две схемы. Первая показывала репер у мачты, серое поле и перекрытый сектор. Вторая — репер у канавы и тонкий проход на северо-восток.

Кромка не предлагала исполнить желание. Она фиксировала решение, которое он уже почти принял.

Егор выбрал третье: закрыл сообщение, подменил сигнатуру вручную и подписал акт.

Официальный слой дрогнул. Фактическое положение репера исчезло. На его месте возникло правдоподобное западное смещение длиной три метра. Б-9 снова накрыла ровная серая заливка. Скрытый слой на накопителе сохранил тонкую тропу.

— Акт отправлен, — сказал он.

Лада молчала несколько секунд.

— Вы изменили исходные данные.

— Исправил ошибку привязки.

— Оставайтесь на месте.

Вдалеке, со стороны города, вспыхнули фары. До внешнего контура машине Бюро оставалось минуты четыре.

Егор вернулся к реперу за образцом грунта. Нужно было оставить себе хоть одно физическое доказательство, если цифровые слои переписутся снова. Он опустил на колено и поддел ножом пластину у основания. Под ней обнаружилась не полость для датчика, а узкая металлическая лента, уходившая в бетон.

На ленте были выбиты две группы цифр.

Первая обозначала сорок седьмой репер.

Вторая состояла из двенадцати знаков. Такие номера ставили не на геодезическое оборудование, а на дела родовых линий.

Егор знал один номер наизусть. Пятнадцать лет назад он повторял его в больничных коридорах, в комиссии по аварии и в кабинете, где ему сообщили, что тело жены вернуть невозможно.

На ленте был номер Серы Таль.

Глава 2. Метка линии

К восьми утра Мира успела трижды пройти мёртвый квартал и ни разу не задеть дом, которого не было.

На экзаменационном поле это считалось неплохим результатом. Серые макеты зданий поднимались из пола без предупреждения, улицы сдвигались, а на визоре поверх настоящих стен возникали вероятные — те, которые могли появиться через минуту, если оператор выбирал неверный маршрут. Нужно было провести учебный трамвай от депо до больницы, не позволив системе превратить предположение в препятствие.

Мира держала ладонь над пультом и не касалась подсвеченных стрелок. Автоматика предлагала три пути. Самый короткий уже дважды мигнул зелёным, слишком настойчиво для безопасного варианта.

— Таль, время, — сказал экзаменатор за стеклом.

— Вижу.

— Тогда выбирай.

Она сняла визор. Без него поле выглядело почти пустым: белые направляющие на чёрном полу, вагончик длиной с ладонь, четыре проекторные стойки. Только у северной стены серел прямоугольник вероятного дома. Он ещё не стал материальным, но свет вокруг него уже преломлялся.

— Выбор сделан, — сказала Мира.

Она перевела стрелку не на пульте, а механическим рычагом у края стола. Учебный трамвай пошёл по ремонтной ветке. Система не предлагала её, потому что в цифровом плане ветка числилась разобранной. Мира заметила утром свежую смазку на оси рычага и поняла: организаторы оставили физический путь для тех, кто не станет спорить с красивой картинкой внутри визора.

Серый дом у северной стены обрёл крышу и тут же рассыпался световой пылью. Вагончик остановился у синей отметки больницы. На табло появилось:

МАРШРУТ ЗАВЕРШЁН. ПОТЕРИ: 0. ЗАКРЕПЛЕНИЕ: 0,03.

За стеклом экзаменатор впервые поднял глаза от планшета. Это была сухая женщина с короткими волосами, на нагрудной пластине значилось: ИНГА ВАРД. СТАРШИЙ НАВИГАТОР.

— Почему сняла визор?

— Он показывал только варианты, которые умел считать.

— Навигатор работает с расчётом.

— Навигатор отвечает за людей, которые по нему поедут.

Уголок рта Варды дрогнул. Не улыбка — отметка, что ответ принят к сведению.

— Подойди к терминалу. Подтверди завершение этапа.

В соседнем зале ждали ещё семь кандидатов. Все были старше Миры; одному на вид исполнилось двадцать пять. На предварительный экзамен допускали с пятнадцати, но городские места обычно получали после технического колледжа. Мира готовилась два года и никому не говорила, что по ночам строила маршруты по отцовским бумажным картам. Егор считал, будто она просто любит рисовать сетки.

Она приложила запястье к считывателю. Под кожей, чуть выше синей вены, вспыхнул тонкий янтарный ободок — метка линии. Не татуировка и не имплант: оптический ответ городской системы на номер, закреплённый за ней при рождении.

Терминал задумался.

ЛИЧНОСТЬ ПОДТВЕРЖДЕНА.

Потом зелёная полоса сменилась белой.

‘ЗАЯВКА 7-114-ТА АННУЛИРОВАНА.’

Мира перечитала строку. Слово не изменилось.

— Здесь ошибка, — сказала она.

Варда уже стояла в дверях.

— Отойди от терминала.

— Я завершила этап.

— Результат сохранён. Отойди.

— Если сохранён, почему заявка аннулирована?

Кандидаты старались не смотреть в их сторону. Парень в форме транспортного колледжа отступил на полшага, будто риск линии передавался при тесном контакте.

Варда коснулась своей пластины и вывела на неё служебный экран.

— Решение Бюро преемственности. Высокий индекс исчезновения линии. Допуск к профессиям с причинной нагрузкой приостановлен.

— До экзамена индекс был достаточно низким.

— Уведомление поступило в семь сорок две.

В это время Мира вела трамвай через второй сценарий. Значит, её пустили на поле, смотрели, как она проходит маршрут, и уже знали, что результат не будет иметь значения.

— Покажите основание.

— Я не сотрудник Бюро.

— Вы аннулируете мою заявку.

— Её аннулировала система.

Мира терпеть не могла эту фразу. Взрослые произносили её, когда хотели причинить человеку вред и остаться вежливыми.

— Система не проснулась утром и не решила бояться моей фамилии.

Теперь Варда посмотрела прямо на неё.

— Таль, у тебя хороший результат. Не превращай его в дисциплинарное дело. Подай апелляцию через законного представителя.

— Срок рассмотрения — тридцать дней. Набор закроется через девять.

— Значит, в следующем году.

— В следующем году вы скажете то же самое.

Северная стена тихо щёлкнула. Там, где недавно стоял вероятный дом, проступила дверь, которой прежде не было. Серая, без ручки. Один из проекторов продолжал работать, хотя упражнение закончилось.

Варда быстро отключила поле. Дверь исчезла.

— Покинь зал, — сказала она уже без прежней сухости. — Сейчас.

Мира поняла: навигатор испугалась не спора. Метка отозвалась на отказ.

Она взяла куртку и вышла в коридор. За окнами лежал Крайск: трубы теплоцентрали, тёмные многоэтажки, белая полоса замёрзшей реки. На востоке город обрывался в Кромку. Из учебного центра границу не было видно, но её положение выдавали крыши — все антенны на них наклонялись на запад, словно дома годами отворачивались от чего-то.

На телефоне не было сообщений от отца. Мира отправила ему фотографию табло с нулевыми потерями. Подождала. Две серые галочки не появились.

Внизу дежурил сотрудник режима. Значит, Варда уже вызвала сопровождение. До его подъёма оставалось минуты две, до блокировки её учебной учётной записи — меньше.

Апелляция ничего не даст без основания запрета. Основание хранилось в реестре Бюро, куда кандидатам доступ закрывали. Но экзаменационные терминалы запрашивали этот реестр при проверке допуска. Запрос уже прошёл, и его служебная копия должна была остаться в локальном буфере.

Мира повернула не к лестнице, а к туалетам. За вторым поворотом открывалась дверь аппаратной. Утром она заметила, как техник запирает её картой и потом машинально проверял карман. Карта висела у него на шнурке. Украсть её Мира не могла. Зато на раме стоял старый замок с аварийным размыкателем — обязательное требование для помещений, которые могли попасть в причинный сдвиг.

Она сорвала пластиковую пломбу ногтем, откинула красную крышку и дёрнула кольцо.

Сигнал тревоги не включился. Пока.

В аппаратной пахло пылью и нагретой изоляцией. Три стойки гудели у стены. Мира нашла кабель терминала номер четыре и подключила к сервисному порту телефон. Обычная учётная запись увидела бы только результат экзамена. В сервисном режиме система считала устройство частью стенда, если получить ответ за первые пять секунд.

На экране телефона побежали строки.

«УЗЕЛ НЕ АВТОРИЗОВАН.»

«УКАЖИТЕ ЦЕЛЬ ДИАГНОСТИКИ.»

Она выбрала проверку задержки реестра. Терминал отправил тестовый пакет и показал журнал последних обращений. В верхней строке стоял её номер.

Мира нажала «повторить».

«ОТКАЗ. СУБЪЕКТ ОГРАНИЧЕН.»

Не то. Ей нужен был не ответ, а вложение, на основании которого узел его сформировал. Она открыла временное хранилище. Файлы имели бессмысленные имена и исчезали через десять минут. Один был создан в семь сорок две и весил почти два мегабайта.

За дверью послышались шаги.

— Она не спускалась, — сказал мужчина.

— Проверьте зал и санузлы, — ответила Варда.

Мира запустила копирование. Полоса дошла до двенадцати процентов и замерла.

«ТРЕБУЕТСЯ ПОДТВЕРЖДЕНИЕ СОТРУДНИКА.»

На стойке мигнул считыватель. Можно было выйти и попросить Варду. Можно было объяснить, что решение касается её собственной жизни. Варда, возможно, даже сочувствовала. И всё равно вызвала режимника.

Мира сняла с шеи медный кулон — тонкую пластинку с выгравированными координатами. Отец подарил её в десять лет и сказал, что это точка, в которой он всегда её найдёт. На деле пластинка была обрезком старого служебного ключа: по краю ещё виднелась дорожка контакта. Егор не знал, что дочь это заметила.

Она вставила пластинку в паз считывателя.

Терминал распознал устаревший сертификат картографической службы.

«ТАЛЬ Е. А. ДОСТУП ОГРАНИЧЕН. АВАРИЙНОЕ ЧТЕНИЕ РАЗРЕШЕНО.»

Мира почувствовала короткий стыд, будто отец стоял рядом и она залезла к нему в карман. Потом вспомнила белую строку на табло.

— Спасибо, папа, — прошептала она и подтвердила чтение.

Копирование пошло быстрее.

Дверь аппаратной дёрнулась.

— Откройте! — потребовал режимник.

Шестьдесят восемь процентов.

— Мира, — сказала Варда. — Ты вскрыла помещение причинной инфраструктуры. Это уже не спор об экзамене.

— Для вас — нет.

— Останови копирование. Я зафиксирую, что тревога сработала случайно.

Восемьдесят один.

Мира посмотрела на аварийное кольцо. Если вернуть его в паз, замок откроется снаружи. Если выдернуть до конца, стойки обесточатся, буфер очистится и копия пропадёт. Третий путь был только один: удержать дверь до завершения и получить нарушение, которое нельзя списать на случайность.

Она пододвинула к ручке ящик с кабелем и села на него.

— Покажите мне основание, и я удалю копию.

— У меня нет полномочий.

— Тогда у меня нет причины вам верить.

Девяносто четыре.

Режимник ударил плечом. Ящик сдвинулся, дверь приоткрылась на ладонь. Мира упёрлась ногами в стойку. Та качнулась, вентиляторы взвыли. На телефоне появилось предупреждение о повреждении пакета.

Она зажала кабель пальцами.

Сто процентов.

Мира выдернула телефон и подняла руки прежде, чем дверь распахнулась.

Режимник оказался молодым, с прыщом у губы и слишком большой защитной курткой. Он схватил её за запястье. Янтарный ободок метки вспыхнул так ярко, что он отшатнулся.

— Не касайтесь линии! — резко сказала Варда.

— Я её не активировал.

— Отойдите.

Мира прижала телефон к груди.

— Вы прошли поле лучше шести взрослых кандидатов, — тихо сказала Варда. — А теперь вас внесут в реестр нарушителей. Зачем?

— Чтобы узнать, какую жизнь мне разрешили вместо моей.

Варда закрыла глаза на секунду. Потом протянула ладонь режимнику.

— Оформляйте акт. Несанкционированный доступ к узлу и использование чужого сертификата.

На её пластине загорелось подтверждение. Телефон Миры завибрировал почти одновременно.

`СТАТУС СУБЪЕКТА ИЗМЕНЁН.`

`ВЫЕЗД ЗА ПРЕДЕЛЫ КРАЙСКА ПРИОСТАНОВЛЕН ДО РЕШЕНИЯ КОМИССИИ.`

— Он и так был приостановлен, — сказала Мира.

— До сегодняшнего дня ты могла оспорить ограничение, — ответила Варда. — Теперь есть режимное основание.

Цена оказалась точной. Не угроза на будущее, а закрывшаяся дверь.

Мира позволила проводить себя в комнату ожидания. Там стояли стол, две пластиковые табуретки и камера под потолком. Режимник ушёл оформлять передачу Бюро. Варда задержалась у порога.

— На поле появилась дверь, — сказала Мира. — После того как аннулировали заявку. Это было связано со мной?

— Я не имею права обсуждать реакции линии.

— Но имеете право строить по ним мою жизнь.

Варда сжала губы.

— Не все ограничения придуманы, чтобы наказать тебя.

— От этого они не становятся моими решениями.

Дверь закрылась.

Мира положила телефон экраном вниз. Камера видела её руки, поэтому она не спешила. Сначала посчитала до ста, слушая, как за стеной спорят о форме акта. Потом включила экран под столешницей.

Скопированный пакет оказался подписан Бюро. Половина полей была зашифрована, но приложение для учебных маршрутов умело читать геометрию прогнозов. Мира подменила расширение файла и открыла его как карту.

На экране возникло дерево вариантов. В центре — её имя. От него расходились тонкие линии: колледж, стажировка, выезд, возвращение, работа на внешнем контуре. Большинство были перечёркнуты красным не потому, что вели к её смерти. Рядом с ними стояло: `ПРЕКРАЩЕНИЕ УЧЁТНОЙ ПОСЛЕДОВАТЕЛЬНОСТИ`.

Мира увеличила легенду.

Учётная последовательность означала не жизнь человека, а подтверждённых потомков.

В зелёной ветви она оставалась в Крайске, в восемнадцать поступала на операторский курс Бюро, в двадцать два заключала «рекомендованный союз» с субъектом другой устойчивой линии. Имя мужчины было скрыто. Дальше система показывала двух детей и высокий шанс продолжения последовательности.

В красных ветвях Мира становилась навигатором. Уезжала. Отказывалась от рекомендованного союза. Иногда возвращалась, иногда нет. В нескольких вариантах у неё были дети, но система помечала их линии как недостаточно предсказуемые. В одном она проживала до восьмидесяти одного года и не заводила семью.

Рядом всё равно стояло: `ИСЧЕЗНОВЕНИЕ ЛИНИИ`.

Не её исчезновение. Исчезновение удобного продолжения, которое кто-то назначил правильным.

Мира почувствовала не страх, а ясную, почти холодную ярость. Метка не предупреждала о болезни. Не спасала от Кромки. Она была поводком, привязанным к людям, которых ещё не существовало.

В нижней части пакета находилось основание надзора. Первый протокол создали через три недели после её рождения. Мира открыла его, ожидая увидеть подпись Лады Рен или безликий номер комиссии.

В документе говорилось, что реакция линии ребёнка связана с аварией «Наследия», что добровольный надзор позволит своевременно ограничивать опасные решения и что законный представитель ознакомлен с последствиями. Ниже стояла электронная подпись.

`ТАЛЬ ЕГОР АНДРЕЕВИЧ`.

Дата — за два дня до её первого дня рождения.

Мира увеличила строку, пока буквы не распались на квадраты. Сертификат совпадал с ключом в медном кулоне. Отец не просто знал о надзоре. Он дал Бюро право включить его — а потом подарил дочери обренок того же ключа как обещание всегда её найти.

За дверью повернулся замок.

Мира успела переслать пакет в три места: в скрытое хранилище, на старый адрес отца и в отложенное сообщение, которое уйдёт в городской открытый реестр, если она не отменит отправку до полудня.

Телефон показал, что адрес Егора недоступен.

В комнату вошли двое сотрудников Бюро. Один держал контейнер для изъятой техники.

Мира убрала телефон в карман.

Теперь ей было что спросить у отца.

И впервые она не была уверена, что позволит ему ответить первым.

Глава 3. Цена проводника

Лада Рен не стала выходить из машины.

Чёрный служебный фургон остановился у репера так, чтобы фары легли по обе стороны от Егора. Сам он остался в темноте, между двумя белыми полосами. Старый приём допроса: человеку кажется, что он ещё свободен уйти, хотя дорога впереди и дорога назад уже принадлежат тем, кто включил свет.

Стекло со стороны пассажира опустилось на ладонь.

— Отойдите от сорок седьмого, — сказала Лада.

— Уже отошёл.

Егор стоял в шести метрах от репера. Подлинная карта сектора лежала на скрытом накопителе во внутреннем кармане. На служебном планшете осталось ложное западное смещение — аккуратное, правдоподобное, пригодное для трёх комиссий и одного уголовного дела.

— Вы изменили слой в двадцать два четырнадцать, — продолжила Лада. — После того как узел запросил решение, которое ещё не было принято.

— Автоматика перепутала время записи.

— Автоматика не путает формулировки.

— Тогда вам нужно вызвать техника.

Лада смотрела на него через узкую щель окна. Пятнадцать лет назад у неё были чёрные волосы и привычка держать карандаш за ухом. Теперь волосы стали почти белыми, а привычка исчезла. Всё лишнее она постепенно убрала из себя — украшения, жесты, объяснения.

— Сектор Б-9 закрыт, — сказала она. — Любая обнаруженная связность с ним передаётся Бюро без копирования на личные носители.

— Связности нет. Репер ушёл на три метра к западу.

— Я вижу ваш слой.

— Значит, разговор окончен.

— Нет. Он только стал короче.

Водитель в фургоне не двигался. За матовым стеклом грузового отсека угадывались ещё два силуэта. Лада приехала не проверять репер. Она приехала забрать что-то — карту, Егора или право первой назвать случившееся ошибкой.

Сорок седьмой тихо щёлкнул. На его пластине по-прежнему был номер линии Серы. Егор не смотрел туда. Если Лада заметит, куда он не смотрит, этого окажется достаточно.

— Сегодня ваша дочь подала заявку на экзамен навигаторов, — сказала она.

Егор почувствовал, как внутри всё остановилось, но ответил не сразу — ровно настолько, насколько позволял удивиться отец, впервые слышавший новость.

— Она ещё не решила.

— Решила. В системе стоит подтверждение.

Мира должна была ждать до весеннего набора. Так они договорились. Вернее, так сказал он, а она промолчала и ушла в свою комнату. Егор принял молчание за согласие, потому что ему было удобно.

— Вы следите за несовершеннолетними кандидатами лично?

— За её линией — да.

— Вы обещали не вмешиваться, пока метка стабильна.

— Я обещала не вводить новые ограничения. Не заставляйте меня уточнять разницу.

Лада подняла стекло, оставив щель в два пальца.

— Утром приведите служебный архив в управление. И передайте Мире: если она хочет сохранить хотя бы городской допуск, сегодня ей лучше не совершать ничего необратимого.

— Скажите сами.

— Она не отвечает Бюро.

— Умная девочка.

— Именно поэтому вы должны перестать решать за неё, Егор.

Стекло закрылось. Фургон развернулся, не заехав на ложную развилку карты, и ушёл к городу.

Егор дождался, пока красные огни пропадут за насыпью. Потом вынул телефон. От Миры сообщений не было. Он набрал её — сеть ответила, что устройство недоступно. Набрал второй раз. Тот же голос, слишком спокойный для плохих новостей.

На служебную почту пришло уведомление Бюро: явиться в восемь ноль-ноль с планшетом, полевыми листами и личным ключом. Ни слова об экзамене. Ни слова о том, что Мира уже успела сделать или чего Лада боялась.

Егор открыл старую переписку с Яной Вей.

‘КОРИДОР ЕСТЬ. НУЖНЫ КООРДИНАТЫ И УСЛОВИЯ.’

Ответ пришёл раньше, чем погас экран.

‘РЫБНЫЙ РЯД. ДО ЗАКРЫТИЯ. БЕЗ БЮРО.’

Он посмотрел на часы. До закрытия оставалось сорок семь минут.

Если бы он вернулся в город через официальный шлюз, сканер записал бы накопитель, одежду и остаточный фон каждого участка маршрута. Поэтому Егор оставил служебную машину у контейнера картографов, выключил планшет и пошёл вдоль старой теплотрассы. Под трубами тянулась ремонтная дорожка без причинных датчиков: зимой металл создавал столько ложных откликов, что Бюро предпочитало запирать калитки обычными замками.

У третьей опоры Егор достал из тайника городскую куртку. Там же лежали наличные, кнопочный телефон и бумажный пропуск на имя Андрея Толля. Имя было плохим. Хорошее пришлось бы запоминать.

Пока он переодевался, служебный телефон снова ожил. На этот раз не вызовом — пакетом данных с неизвестного адреса. Защита определила подпись Бюро и потребовала подключить личный сертификат.

Егор увидел время отправки: десять минут назад. Отправитель был скрыт, но контрольная сумма начиналась с номера Миры.

Он не открыл пакет.

Сначала нужно было выйти из поля наблюдения. Сначала договориться с Яной. Сначала получить способ снять метку. Потом он сможет позволить себе узнать, что сделала дочь.

Егор убрал телефон так резко, будто тот мог обжечь.

Рыбный ряд занимал первый этаж бывшего холодильного склада у северной гавани. После аварии река изменила русло, суда перестали приходить, но название пережило и воду, и рыбу. Теперь здесь торговали ремонтными модулями, просроченными фильтрами, чужими лицензиями и вещами, назначение которых продавец предпочитал не знать.

К закрытию проходы пустели. Жалюзи опускались одна за другой, отсекая узкие лавки. Пахло солёной изоляцией, горячим пластиком и дешёвой лапшой. Камеры под потолком смотрели на входы, но не на лица: владельцам рынка было важнее доказать, что товар занесли не через их дверь.

Яна ждала в чайной за павильоном разобранных дронов. Стол у неё был угловой, с обзором на оба прохода и металлической стеной за спиной. Она сидела в расстёгнутом рабочем комбинезоне, пила прозрачный чай и сортировала на салфетке медные шайбы.

— Ты на девять минут раньше, — сказала она. — Значит, либо нашёл, либо испугался.

— Нашёл коридор.

— Значит, испугался после.

Яна Вей умела заставить человека спорить с её последней фразой и тем самым отвечать на предпоследнюю. Егор сел, не снимая куртки.

— Мне нужны координаты ответника размыкания.

— Нужны всем. Одному снять брачный маршрут, другому — долговой, третьему — профессию, которую его ещё не родившийся внук считает единственно правильной. У нас прогрессивный рынок: спрос создают потомки.

— Цена.

Она сдвинула две шайбы вместе. На одной была выбита цифра шесть, на другой — перечёркнутый круг.

— Денег у тебя не хватит.

— Ты не знаешь, сколько у меня.

— Знаю. После конфискации дома Серы ты хранишь всё в трёх местах. Два я могла бы назвать, третье мне неинтересно. Даже вместе там меньше, чем стоит подтверждённый ответник.

— Тогда зачем позвала?

— Мне нужен проводник.

Егор встал.

— Найди другого.

— Нашла. Лежит в подсобке.

Яна не повысила голос. Бармен протёр пустой стакан и отвёл взгляд. Егор снова сел.

— Живой?

— Пока злой. Это хороший признак.

— Кто?

— Нестор Кай.

Имя он знал. Нестор работал на внутреннем контуре до того, как отказался поставить подпись под картой эвакуации. По официальной версии, карта была точной. По неофициальной — она становилась точной только после того, как из двух барачков не успевали вывести людей. Нестор выкрал исходные замеры, проиграл суд и с тех пор лечил сборщиков, которых законные клиники сдавали Бюро вместе с одеждой и находками.

— Он не проводник.

— Теперь и не пешеход.

— Что случилось?

— Перелом голени. Чистый, если верить ему. Грязный, если верить запаху.

— В Кромке?

— Здесь, на лестнице. Иногда настоящее справляется без помощи будущего.

Егор посмотрел на медные шайбы. Яна разложила их в линию: шесть одинаковых, седьмая — с перечёркнутым кругом.

— Сколько человек?

— Шестеро, считая Нестора. С тобой семь.

— Куда?

— В Б-9.

Снаружи заскрежетали очередные жалюзи. В чайной стало тише.

— Ты не знала про коридор, когда вызвала меня, — сказал Егор.

— Я знала, что он появится.

— Откуда?

— Оттуда же, откуда Бюро знает, какую профессию выберет ребёнок через три года.

Только мои прогнозы дешевле и не носят форму закона.

— Это не ответ.

— Ответ будет частью сделки.

Яна подцепила ногтем шайбу с нулём и поставила на ребро.

— Ты проводишь группу через служебный вход, доводишь Нестора до узла и возвращаешь тех, кто сможет идти. Я передаю координаты размыкателя и протокол активации.

— До выхода.

— Координаты — после первого шлюза. Протокол — у Нестора.

— Значит, Нестор знает всё, а я нужен только для двери.

— Если бы он знал всё, я не ждала бы тебя.

Егор достал сложенную бумажную карту и положил ладонь сверху, не раскрывая. На ней был внешний контур месячной давности, достаточно ценный для мелких сборщиков и бесполезный в Б-9.

— Половина оплаты сейчас. Остальное после возвращения.

Яна даже не посмотрела на карту.

— Мне не нужна твоя старь.

— Другой у меня нет.

— Есть. Подлинный служебный слой проходов.

Егор убрал руку.

— Его не существует вне планшета Бюро.

— Поэтому ты опоздал бы, если бы не скопировал его до приезда Лады.

В кармане накопитель вдруг стал тяжёлым. Егор проверил вход. Пожилая продавщица фильтров тащила мимо ящик. За ней шёл мальчик с рулоном упаковки. Никто не задерживался.

— Репер показал ложное смещение, — сказал он.

— Конечно.

— Коридора может не быть.

— Тогда ты ничего не потеряешь, оставив мне выдуманную карту.

Яна улыбнулась одними губами. Егор понял, что она не знает, что именно произошло у сорок седьмого. У неё был источник в Бюро или на контуре, сообщивший о срочном выезде Лады. Всё остальное она достроила по нему — и по Егору.

Это не делало карту менее опасной.

Подлинный слой включал ремонтные ходы, аварийные карманы, частоты датчиков и окна между обходами. Не только Б-9. Половину закрытого сектора можно будет открыть с городской стороны. Бюро потеряет монополию, Яна получит товар, а люди, которых Егор никогда не увидит, — возможность войти туда, куда даже он шёл только при крайней нужде.

— Только маршрут к первому шлюзу, — сказал он.

— Весь слой.

— Ты просила проводника, а не границу.

— Я прошу залог. Вернёшь группу — удалю копию.

— Ты никогда ничего не удаляешь.

— Зато никогда не продаю залог раньше срока.

— Слово торговца?

— Репутация хищника. Она надёжнее.

Из подсобки донёсся глухой удар и ругань. Бармен вздохнул, поставил стакан и скрылся за дверью.

Егор представил Миру в экзаменационном зале. Она держит руки на учебном пульте, видит развилки лучше инструкторов и уверена, что спорит только за профессию. В это же время Бюро читает её линию как ведомость поставки: оставить в городе, назначить работу, сохранить последовательность.

Он пятнадцать лет говорил себе, что подпись под надзором дала ему время. Тогда Мира лежала в кислородном боксе, город эвакуировали квартал за кварталом, а Сера не отвечала. Лада положила перед ним форму и объяснила: без согласия ребёнка не включают в реестр защи-

щённых линий. Егор подписал, потому что альтернатива называлась не свободой, а неизвестностью.

С тех пор неизвестность стала для него другим названием вины.

Телефон во внутреннем кармане коротко завибрировал. Пакет Миры всё ещё ждал сертификата.

— Покажи Нестора, — сказал Егор.

Яна собрала шайбы в кулак.

Подсобка когда-то была морозильной камерой. Белые панели пожелтели, в сливном желобе лежала свёрнутая проволока. Нестор Кай сидел на разделочном столе, вытянув правую ногу. Штанина была распорота до колена. Голень фиксировали две пластиковые планки и ремни от грузовой сумки. Кожа над лодыжкой посинела, но ступня сохраняла цвет.

Нестор оказался старше, чем на архивных снимках: широкий лоб, редкая серая щетина, тяжёлые пальцы фельдшера. На запястье темнел след удалённой метки — не пустое место, а россыпь мелких янтарных точек.

— Это Таль? — спросил он.

— Это нога? — ответил Егор.

— Если согласишься вести, будет ногой. Если нет — уликой.

Бармен держал фонарь. Нестор сам ослабил верхний ремень и показал отёк.

— Закрытый перелом, пульс есть, чувствительность есть. До утра выдержи.

— До утра ты выдержишь в больнице.

— В больнице сканируют остаточный след. Я был в секторе без допуска.

— С такой ногой ты не пройдёшь грузовой тоннель.

— Поэтому нас поведёшь ты.

— Я не ношу людей.

— Я тоже. Возьмём тележку.

Егор посмотрел на Яну.

— Он нужен у ответника?

— Протокол у меня в голове, — сказал Нестор. — И только я отличу размыкание от переноса.

— Яна продаёт мне снятие метки.

— Яна продаёт тебе надежду, потому что координаты без меня стоят дешевле бумаги.

Яна прислонилась к дверному косяку.

— Вот поэтому его нельзя оставить дома. Честность портит торговлю, но иногда улучшает экспедицию.

Егор присел перед Нестором и проверил фиксацию. Сделано было умело, но наскоро. На внутренней стороне ботинка засохла серая пыль. Не городская грязь — мелкий гранулят из причинных экранов. Нестор уже был сегодня у Кромки и врал про лестницу.

— Где сломал?

— На лестнице.

— В каком секторе находится лестница?

— В неудобном.

— Если вы что-то вынесли, я должен знать.

Нестор перестал улыбаться.

— Мы вынесли человека. Молодая сборщица, линия закрепилась на развилке. Ответник дал ей пройти, когда она согласилась вернуться за напарником. Теперь любой маршрут от города снова приводит её внутрь. Мы оставили её в экранированной комнате.

— Где?

— За первым шлюзом Б-9.

— Значит, группа идёт не к размыкателю.

— И к нему тоже.

— Как её зовут?

— Ася Корд.

— Возраст?

— Девятнадцать.

Егор выпрямился.

— Вы бросили раненую девятнадцатилетнюю сборщицу в закрытом секторе и пришли торговать координатами.

— Мы вынесли её из узла, — тихо сказал Нестор. — В город нельзя. Закрепление потянется за ней и откроет коридор в жилой квартал. Экранированная комната держит связь примерно сутки. Прошло одиннадцать часов.

Теперь цена сделки выглядела иначе. Яна не покупала экспедицию ради неизвестной находки. Она пыталась вернуть своего человека и заодно получить доступ к ответнику, пока Бюро не запечатало сектор. Деньги здесь действительно были вторичны.

— Почему ты вышел, а она нет?

— Потому что закрепились её линия. Я был только тем идиотом, который полез обратно и сломал ногу.

— Решил вернуться за товарищем, — сказал Егор.

На секунду в подсобке стало совсем тихо.

— Откуда знаешь формулировку? — спросил Нестор.

— Не знаю. Уточняю.

Нестор посмотрел на Яну. Та едва заметно покачала головой.

Егор вспомнил шайбу с шестёркой и перечёркнутым кругом. Не счёт людей. Схема ответа: закреплённое решение и утраченные варианты.

— Что делает размыкатель? — спросил он.

Нестор осторожно вернул ремень на место.

— Ничего не стирает. Стереть принятое решение нельзя.

— Тогда почему его так называют?

— Потому что покупатели не любят точных названий. Узел переносит обязательность. Связанная линия получает другой выбор, который система считает равным по сохранению потомства.

— Например?

— Отказываешься от назначенного брака — закрепляешь место жительства. Уходишь из профессии — принимаешь медицинское вмешательство. Разные маршруты, одинаковая вероятность продолжения линии.

— А если не принимать замену?

— Метка остаётся.

Егор почувствовал, как надежда не исчезла, а изменила форму. Так было хуже. Простая ложь позволила бы уйти. Рабочий механизм требовал выбрать, какую часть жизни Миры отдать вместо другой.

— Как узнать цену до активации?

— Никак наверняка. Узел строит равноценность по данным линии и решениям того, кто запускает перенос.

— По решениям Миры.

— Если войдёт она.

— Она не войдёт.

Нестор посмотрел на него как врач, уже услышавший симптом.

— Тогда по твоим.

Яна вернулась к столу. Егор остался в подсобке ещё на несколько секунд. Он мог закончить разговор. Передать служебный планшет Ладе утром, забрать Миру из Бюро или откуда там её удерживали, признаться в подписи и попытаться оспорить надзор законно.

Тридцать дней на апелляцию. Девять до закрытия набора. Шесть — если дата, которую Яна выложила шайбами, означала запуск центрального узла.

— Когда выходим? — спросил он.

— Через три часа, — ответила Яна из чайной. — До рассветной проверки.

— Нестор не готов.

— Нестор будет готов, — сказал Нестор.

— Я выбираю момент и состав группы.

— Состав уже выбран.

— Тогда выбирай другого проводника.

Яна встретила его у стола. Торг начался по-настоящему только теперь, когда оба признали, что нуждаются друг в друге.

— Пять часов, — сказала она. — Потом окно закрывается.

— Четыре. Двое несут Нестора по очереди. Никакого оружия с автономным наведением, никаких активных ответников в рюкзаках. Всё найденное показывает мне Нестор до перемещения.

— Ты не нанимаешь моих людей.

— А ты не ведёшь их через причинный коридор.

— Что ещё?

— Ася сначала. Размыкатель потом.

— Согласна.

— Координаты сейчас.

— После залога.

Егор вынул накопитель. Чёрный прямоугольник размером с ноготь лежал на его ладони. На нём не было маркировки, но Яна смотрела так, будто видела все двери, которые он мог открыть.

— Копия зашифрованная, — сказал он. — Ключ получишь, когда выйдем.

— Проверю заголовок.

Она достала из кармана изолированный считыватель. Егор вставил накопитель сам и решил увидеть каталог без открытия слоёв. На экране возникла служебная сетка: внешний контур, ремонтные проходы, Б-9, отметка времени двадцать два четырнадцать.

Яна не улыбнулась. Это было единственным признаком, что карта стоила больше, чем она ожидала.

— Оставляешь считыватель у меня, — сказала она.

— Накопитель остаётся запечатанным в ячейке.

— У тебя нет права ставить условия залого.

— Есть, пока он у меня в руке.

Бармен принёс маленький стальной контейнер с двумя замками. Яна приложила палец к одному, Егор — личный ключ ко второму. Контейнер втянул накопитель, мигнул зелёным и напечатал две бумажные ленты. На каждой стояло условие открытия: отсутствие отметки о возвращении группы через восемнадцать часов либо совместное согласие сторон.

Егор перечитал строку. Если он погибнет или Бюро задержит его, карта откроется Яне автоматически. Закрытый сектор получит новую дверь именно потому, что он попытался защитить дочь.

Он поставил подпись.

Яна отдала ему узкую полоску термобумаги. На ней были четыре пары координат и контрольная фраза:

‘РАЗМЫКАНИЕ НЕ УМЕНЬШАЕТ ДОЛГ. ОНО МЕНЯЕТ ЕГО ИМЯ.’

— Поэтично для инструкции, — сказал Егор.

— Это предупреждение Серы Таль.

Он поднял голову.

Яна уже убирала свою ленту.

— Где ты взяла эту фразу?

— В протоколе узла.

— Покажи.

— После первого шлюза. Таков договор.

Егор схватил её за запястье. Шайбы рассыпались по полу. Бармен шагнул из-за стойки, но Яна остановила его взглядом.

— Имя моей жены не часть торга.

— В Б-9 всё часть торга. Бюро позаботилось.

— Сера создала размыкатель?

— Не знаю.

— Врёшь.

— Я знаю, что её сертификат стоит в протоколе ручного отказа. Я знаю, что после аварии Бюро удалило этот отказ из общего архива. И знаю, что ты сломаешь мне руку, если это приблизит тебя к ответу, но в Кромку всё равно пойдёшь со мной.

Егор разжал пальцы.

Яна потёрла запястье.

— Через четыре часа у северной котельной. Опоздаешь — контейнер откроется раньше.

— В договоре восемнадцать.

— В договоре — да.

В дальнем проходе хлопнула дверь. На рынок ворвался холодный воздух. Человек в форме режима крикнул кому-то остановиться. Бармен погасил половину светильников. Яна одним движением смахнула шайбы под стол.

Егор сунул координаты в карман и потянулся к выключенному служебному телефону. Если Бюро отследило пакет Миры до него, Лада могла прислать людей и сюда. Если проследила за ним от контура — Яна уже знала бы.

Из темноты вышла невысокая фигура в серой куртке. Капюшон был надвинут до бровей, но походку Егор узнал раньше лица. Мира шла быстро и ровно, не пытаясь спрятаться. За ней у входа остались двое режимников: один говорил в гарнитуру, второй держал её телефон в прозрачном контейнере. Они не преследовали. Значит, она отдала устройство, но сохранила что-то важнее.

Егор шагнул навстречу.

— Как ты сюда попала?

— Через дверь.

— Мира.

— Папа.

Она произнесла это без привычной насмешки. На запястье светился янтарный ободок метки, а поверх него стояла свежая синяя печать режимного ограничения.

Егор увидел печать и сразу понял предупреждение Лады.

— Что ты сделала?

— Скачала своё досье.

— Ты была в Бюро?

— Нет. Пока только они были у меня.

Он хотел проверить её руки, спросить, не ударили ли, немедленно увести через задний выход. Вместо этого произнёс:

— Ты должна вернуться домой.

Мира коротко посмотрела на Яну, на стальной контейнер, на Нестора в дверях подсобки. Увидела больше, чем Егор хотел ей показать, и достаточно, чтобы сложить остальное.

— Я получила пакет, — сказал он тише. — Мы поговорим дома.

— Ты его не открыл.

Это не был вопрос.

— Здесь небезопасно.

— Для кого?

— Для тебя.

— Под согласием на надзор стоит твоя подпись.

Слова легли между ними без крика. Егор почувствовал, как Яна перестала двигаться. Нестор отвёл глаза.

— Тебе был год, — сказал Егор.

— Поэтому ты решил за меня первые пятнадцать лет?

— После аварии никто не знал, что будет с твоей линией.

— Теперь знают. Мне выбрали работу, город, мужа и детей. Очень удобно, что ты успел согласиться до того, как я научилась говорить.

— Я согласился на наблюдение, не на это.

— А прочитал, во что наблюдение превратилось?

Он промолчал. Мира кивнула, словно получила именно тот ответ, которого боялась.

— Идём, — сказал Егор. — Сейчас.

— Куда?

— Домой.

— А потом ты пойдёшь в Б-9 без меня и выберешь, на что перенести мою метку.

Егор посмотрел на Яну. Та подняла обе руки, показывая, что ничего не говорила. Но Мира уже заметила координаты в его кармане, услышала достаточно у входа или прочла больше в досье, чем он мог предположить.

— Ты не пойдёшь в Кромку, — сказал он.

— Законно я теперь вообще никуда не пойду. Спасибо вашему общему надзору.

— Там человек ждёт помощи, — вмешался Нестор. — У нас мало времени.

Егор резко повернулся к нему.

— Это не твой разговор.

— Уже мой. Ты ведёшь группу, я отвечаю за узел, а девочка, чью линию вы собрались размыкать, стоит перед нами.

— Не называйте меня девочкой, — сказала Мира. — И не говорите обо мне так, будто меня нет.

Нестор склонил голову.

— Справедливо.

Мира расстегнула куртку и достала из внутреннего кармана тонкую пластиковую пластину. Не телефон — экзаменационный модуль навигатора, с обломанным углом и следами пломбы. На экране светилась карта учебного поля и окно открытого протокола Бюро.

— Они забрали устройство, но не проверили стендовый кэш, — сказала она. — У меня есть старые протоколы «Наследия» и маршрут к сектору, которого нет на официальной карте. Вам нужен человек, умеющий читать их без подключения к реестру.

— Нам не нужен несовершеннолетний человек под режимным запретом, — сказал Егор.

— Тебе нужна послушная дочь. Это другое.

Он сделал шаг к ней. Янтарная метка вспыхнула ярче, и на стене чайной проступила тонкая белая дверь — без ручки, такая же невозможная, как развилка у репера. Все увидели её. Яна отступила от стены. Нестор вцепился в край стола.

Мира не обернулась.

— Поле отвечает на моё решение, — сказала она. — Значит, оставить меня в городе уже не безопаснее, чем взять с собой.

Дверь дрогнула и исчезла, оставив на панели холодный прямоугольник инея.

Егор понял, что прежнего выбора больше нет. Не потому, что Кромка приказала ему взять дочь. И не потому, что Яна получила карту. Мира сама нашла встречу, вынесла протокол и пришла туда, откуда он собирался исключить её ради её же спасения.

Он мог удержать её силой. Мог позвать режимников у входа. Мог снова подписать чужими руками решение, которое назовёт защитой.

Мира положила экзаменационный модуль рядом с контейнером залога.

— Я иду, — сказала она. — Но не как груз и не как твоя причина. Мой протокол остаётся у меня. Ответник не включается без моего согласия. И если ты соврёшь о цене ещё раз, я отдам карты Бюро сама.

Егор посмотрел на синюю печать поверх её метки, на иней, медленно тающий на стене, и на собственную подпись под сделкой, которая уже открыла чёрному рынку путь в закрытый сектор.

Четыре часа назад он собирался купить дочери свободу.

Теперь первым условием этой свободы было признать, что она имеет право отказать ему.

Глава 4. Договор без доверия

До выхода оставалось три часа сорок минут, и Егор потратил первые десять на попытку отправить Миру домой.

Он говорил негромко, стоя у закрытой чайной, словно разумность зависела от громкости. Режимники у входа уже ушли: они вручили Яне предписание сообщить о появлении Миры и решили, что рынок сам вытолкнет нарушительницу наружу. Яна подписала бумагу чужим именем и опустила жалюзи.

— Ты переночуешь у Тиры, — сказал Егор. — У неё экранированный подвал и нет связи с городским реестром.

— А утром?

— Утром я вернусь.

— С чем?

— С вариантом.

Мира посмотрела на него. В детстве ей казалось, что отец никогда не врёт: он просто становится точнее обычного. Не «я вернусь живым», а «маршрут рассчитан». Не «мама погибла», а «поиск прекращён». Теперь это было видно особенно ясно. Слово «вариант» прикрывало решение, которое он уже принял.

— Какую обязательность ты перенесёшь на меня вместо метки?

Егор застегнул полевую сумку.

— Мы ещё не знаем, работает ли узел.

— Нестор знает принцип. Ты спросил его о цене до моего прихода.

— Разговор был предварительным.

— Тогда предварительно ответь.

У стены Нестор правил ремни на самодельной шине. Яна проверяла содержимое рюкзаков остальных сборщиков: верёвки, ручные фонари, пищевые блоки, складная тележка. Никто не делал вид, что не слушает.

— Размыкатель подбирает равноценный выбор, — наконец сказал Егор. — Метка не исчезает бесплатно.

— Какой выбор?

— Зависит от линии.

— Моей линии. Значит, от моего решения.

Егор промолчал.

Нестор поднял голову.

— Если носитель участвует, — сказал он, — узел предлагает ему замену. Если нет, использует решения активатора как модель допустимого.

Мира перевела взгляд на отца.

— Поэтому ты хотел оставить меня здесь.

— Я хотел сначала увидеть узел.

— И выбрать за меня то, что тебе покажется безопасным.

— Я ничего не собирался включать.

— Ты уже отдал карту чёрному рынку за возможность добраться туда.

Яна затянула горловину рюкзака.

— Для точности: не отдал, а заложил.

— Ваши точные слова заразны, — сказала Мира.

Егор подошёл ближе.

— В Кромке ты не кандидат на учебном поле. Там ошибка не сбрасывается. Я доведу группу до безопасного лагеря, проверю путь и вернусь за тобой, если это будет оправданно.

Вот оно. Безопасный лагерь существовал в плане с самого начала.

— Где?

— За внешним шлюзом.

— Покажи карту.

— Нет.

— Тогда я не знаю, лагерь это или клетка.

— Именно поэтому ты туда не войдёшь без меня.

Мира вынула экзаменационный модуль. На его экране старый протокол показывал пять слоёв Б-9, но координаты были смещены относительно современной сетки. Для совмещения не хватало одного опорного прохода — того, который Егор спрятал на накопителе.

— У меня есть схема ручных размыкателей, — сказала она. — Без неё ты не отличишь дверь от фиксации. У тебя есть актуальный маршрут. Обмениваемся копиями.

— Нет.

— Тогда в Б-9 не идёт никто.

— Ты не можешь остановить группу.

Мира коснулась значка отложенной отправки. Пакет досье должен был уйти в открытый реестр в полдень, но среди вложений теперь лежала и фотография контейнера с залогом.

— Могу сообщить Бюро, где вы собираетесь войти.

Егор побледнел не от угрозы, а от узнавания. Наверное, так же он сам торговался с Яной: находил дверь, которую другой человек считал своей.

— Это шантаж, — сказал он.

— Это согласие, которого вы у меня не спросили.

— Согласие нельзя получать угрозой.

— Наконец-то.

Яна коротко рассмеялась и тут же замолчала под взглядом Егора.

— Договоритесь быстро, — сказала она. — У границы время дороже семейной правоты.

Егор достал служебный планшет. Настоящего слоя на нём не было, но он открыл пустую подложку и ввёл ключ к резервной копии. Мира поднесла модуль. Устройства установили прямое соединение без городской сети.

— Только маршрут до лагеря, — сказал он.

— До первого шлюза Б-9.

— До лагеря.

— Тогда ты получишь только оглавление протокола.

Он сжал челюсть и разрешил передачу. На модуле возникла тонкая линия от северной котельной к ремонтному тоннелю, затем к шлюзу и экранированному карману. Дальше слой был затемнён, но Мира уже получила нужное: координаты привязки. Старые схемы легли поверх современной карты, как кости под кожей.

Она передала Егору первые две страницы протокола — правила распознавания ручного отказа, без последовательности запуска.

— Остальное после шлюза, — сказала Мира.

— Ты остаёшься в лагере.

— Я этого не подписывала.

— Ты вообще ничего не подписываешь. Тебе пятнадцать.

— Бюро хватило моего возраста, чтобы назначить мне детей.

Егор отвернулся. Спор не закончился; он просто перестал искать слова, которые могли бы выглядеть заботой.

Мира ушла в дальний склад, где Яна выдавала одежду. Ей достался серый комбинезон с чужими заплатками, мягкие ботинки на размер больше и фильтрующая полумаска. Яна забрала синюю режимную ленту с её рукава и опустила в жестяную банку.

— Она передаёт номер раз в двадцать минут, — пояснила Яна. — Через час Бюро заметит, что ты долго стоишь на месте.

— Они найдут рынок.

— Рынок они давно нашли. Вопрос, смогут ли доказать, что здесь была ты.

Мира затянула ботинок двойным носком.

— Мне нужен отдельный договор.

Яна посмотрела внимательнее.

— С отцом только что не получилось?

— С ним у меня родство. Это хуже договора: условия нигде не записаны.

— Что ты предлагаешь?

— Я читаю протоколы «Наследия», совмещаю старую сетку с маршрутом и работаю навигатором группы. Вы признаёте меня участником, а не сопровождаемой. Не передаёте мой модуль Егору и не активируете узлы без моего согласия.

— А взамен?

— Копия открытых страниц протокола после возвращения.

— Всех страниц.

— Только тех, которые не содержат данных моей линии.

— Ты быстро учишься портить торговлю.

— У хороших учителей.

Яна достала две бумажные карточки. Писала она простым карандашом, короткими фразами. Обязанности Мира. Обязанности сети. Право прекратить работу до активации ответника. Отдельная строка: решения о линии Мира принимает только Мира.

— Последнее невозможно исполнить юридически, — сказала Яна.

— Здесь вообще что-нибудь исполняется юридически?

— Долги.

Они подписали обе карточки. Одну Мира спрятала под стельку, вторую Яна вложила в прозрачный пакет.

— Теперь покажи, что ты действительно умеешь читать, — сказала она.

Мира открыла слой с ручными размыкателями. После совмещения координат на карте появились три прохода, которых не было у Егора. Два заканчивались значком жёсткой фиксации. Третий вёл к помещению с кодом `СЕРА-3`.

— Это имя? — спросила Яна.

— Может быть сокращение.

— В проекте работала Сера Таль.

Мира почувствовала, как карандаш в её пальцах перестал двигаться.

— Откуда вы знаете?

— Из тех же архивов, где нашла предупреждение. Она была инженером группы обратной связи.

Отец говорил: мама работала на теплоцентрали, оказалась у внутреннего контура во время эвакуации и не успела выйти. Простая трагедия, каких в день аварии было много. Мира видела старую фотографию Серы в рабочей куртке без знаков, знала три истории о ней и ни одной — о проекте.

— Покажите документ.

Яна вынула из сумки лист, сложенный вчетверо. Это была копия журнала допуска. В строке `ТАЛЬ С. М.` стояла должность: инженер протоколов согласия. Последний вход — в центральный сектор через сорок минут после начала аварии. Последнего выхода не было.

— Она вошла после сигнала, — сказала Мира.

— Да.

— Значит, не погибла при первом сдвиге.

— По крайней мере, не там и не тогда, как записано в городском списке.

— Егор знает?

— Спроси Егора.

— Я спрашиваю вас.

— Я продаю факты, а не доверие. Факт: её сертификат стоит в ручном отказе. Факт: Бюро исправило время её смерти. Знал ли твой отец — не знаю.

Мира сфотографировала журнал модулем. Яна не мешала.

В главном зале Егор крепил тележку для Нестора. Он поднял взгляд, увидел лист в руке Миры и сразу понял, что именно она прочла. Слишком быстро.

— Ты знал, что мама работала в «Наследии»? — спросила Мира.

— Да.

Одно слово оказалось хуже длинной лжи.

— И что она вошла в центр после аварии?

— Я узнал потом.

— Когда?

— Через несколько лет.

— До того, как подарил мне её сертификат в кулоне?

Егор затянул ремень так сильно, что пластик хрустнул.

— Это был мой старый ключ.

— В протоколе отказа стоит её сертификат.

— У нас были парные допуски.

— Почему ты сказал, что она работала на теплоцентрали?

— Потому что тебе было семь.

— А потом мне стало восемь. Девять. Пятнадцать.

Нестор отвернулся, давая им уединение, которого в пустом рынке не существовало.

— Я не знал, что из архивов правда, — сказал Егор. — После аварии записи переписывались. Одни показывали, что Сера погибла у внешнего контура. Другие — что дошла до центра. Я не хотел, чтобы ты росла в ожидании человека, которого нельзя вернуть.

— Поэтому решил, что лучше ждать правды от чёрного рынка?

— Я пытался найти её сам.

— И опять не сказал мне.

— Потому что каждый след её линии отзывался на твоей.

Мира коснулась янтарного ободка. Значит, отец скрывал не только прошлое. Он годами ходил по нему, боясь, что дочь пойдёт следом, и всё равно оставлял ей медные ключи и обрывки историй.

— Я не останусь в лагере, — сказала она.

— Останешься.

— У меня отдельный договор с Яной.

Егор повернулся к посреднице.

— Ты не имеешь права нанимать её.

— Ты привёл специалиста с единственной читаемой копией протокола, — ответила Яна.

— Я оформила отношения.

— Она несовершеннолетняя.

— Ася совершеннолетняя. Ей это не помогло.

Егор шагнул к Яне, но Нестор положил ладонь на его полевую сумку.

— Если начнёте делить власть сейчас, мы не выйдем вовсе.

Снаружи ударили три коротких сигнала. Яна мгновенно погасила экран.

В рынок вошёл четвёртый сборщик — худой парень по имени Лев, которого Мира видела у рюкзаков. Он запер за собой дверь и снял маску.

— Северный шлюз закрыт, — сказал он. — Бюро выставило две машины и мобильный экран. Проверяют даже ремонтников.

— Когда? — спросил Егор.

— Семь минут назад. Официальная формулировка — причинная утечка из Б-9.

Яна посмотрела на контейнер с картой.

— Они знают про коридор.

— Или хотят, чтобы мы так подумали, — сказал Егор.

Лев покачал головой.

— Там Лада Рен. Она приказала заварить официальный вход до рассвета.

На модуле Миры старая и новая карты лежали одна поверх другой. Официальный вход был зачёркнут красным. Но ниже, под линией бывшей теплотрассы, светился проход `СЕРА-3` — ручной канал, отсутствующий в служебном слое Егора.

Мира увеличила схему.

— У нас есть другой вход, — сказала она.

Егор увидел код и закрыл глаза на короткую секунду.

Когда открыл, спор о безопасном лагере уже принадлежал старой карте.

Глава 5. Первый ответник

Канал `СЕРА-3` начинался под бетонной плитой, на которой городская служба благоустройства нарисовала зелёный лист.

Егор трижды проходил мимо этого места во время съёмок. Плита лежала между тепло-трассой и ржавой оградой котельной, в двадцати метрах от официального шлюза. На служебных картах под ней значился тупой коллектор глубиной полтора метра. Теперь Мира держала над рисунком экзаменационный модуль, и на экране зелёный лист совпадал с треугольником ручного доступа.

— Здесь, — сказала она.

— Я вижу.

Егор поддел край пластины монтажным ключом. Лев и второй сборщик, молчаливый широкоплечий Савелий, взялись за скобы. Плита не поднялась — ушла вбок без скрежета, будто её продолжали смазывать все пятнадцать лет. Под ней открылся сухой прямоугольный лаз и лестница, уходящая ниже труб.

Над первой переключателем светилась надпись, различимая только под углом:

`РУЧНОЙ ОТКАЗ. ДОПУСК С. ТАЛЬ.`

Егор заслонил её плечом раньше, чем успел подумать, зачем это делает.

Мира всё равно заметила.

— Мама открывала этот ход?

— Её сертификат был внесён в систему.

— Я спросила другое.

— А другого я не знаю.

Это была правда. После последних суток правда стала звучать у него как очередная разновидность уклонения.

Яна опустила в лаз фонарь. Луч лёг на нижнюю площадку, бетонную стену и белую дверь без ручки. Нестор сидел в складной переноске, закреплённой между двумя трубчатыми шестами. Его лицо уже покрылось испариной, хотя на улице морозило.

— Официальный вход начнут варить через двадцать две минуты, — сказал Лев, следя за перехваченным каналом режима. — Потом включат экран.

— Экран захватит и этот коллектор, — сказал Егор. — До грузового тоннеля двенадцать минут. Если не останавливаемся.

— А если дверь спросит согласие? — Мира подняла модуль.

— Тогда отвечаешь ты. Но ничего не подтверждаешь без моего слова.

— У нас договор не такой.

— В договоре Яны нет пункта, что ты командуешь входом.

— Зато есть пункт, что я читаю протокол.

Яна встала между ними, приняла у Льва передний конец носилок и кивнула на лаз.

— Семейный суд переносится. Егор ведёт. Мира читает. Если показания расходятся, стоим и спорим не дольше минуты.

— В Кромке минуты хватит, чтобы проход стал другим, — сказал Егор.

— Поэтому постарайтесь быть убедительными.

Он спустился первым.

Белая дверь не открылась от приближения. На её поверхности проступили две ладони: большая слева, маленькая справа. Между ними шла строка старого проекта: `СОВМЕСТНОЕ РЕШЕНИЕ / НЕ МЕНЕЕ ДВУХ ЛИНИЙ`.

— Это не замок, — сказала Мира сверху. — Ручной канал проверяет, что вход не создаётся решением одного человека.

— Чьё решение он закрепит?

Она пролистала кэш.

— Ничьё. Здесь нулевое хранение. Должны выбрать одно и то же действие, но система не записывает продолжение.

— Должны — что?

— Войти или остаться.

Егор прижал левую ладонь. Правый отпечаток загорелся янтарным. Он ожидал, что Мира спустится, но рядом встал Нестор, опираясь на плечо Льва.

— Двух линий достаточно, — сказал он.

— Тебе нельзя вставать.

— Мне много чего нельзя. Сегодня список длиннее обычного.

Нестор положил ладонь на маленький контур. Дверь спросила:

«ДЕЙСТВИЕ?»

— Войти всем составом и сохранить возможность выхода, — сказал Егор.

Надпись мигнула красным.

— Два действия, — пояснила Мира. — Нельзя добавлять обещание.

Егор почувствовал раздражение на собственный голос, на дверь и особенно на то, что дочь оказалась права.

— Войти всем составом.

Нестор повторил. Дверь стала прозрачной, а потом исчезла, не оставив даже паза в стене.

За ней воздух пах старой пылью и горячим металлом. Савелий с Львом понесли Нестора. Яна шла за ними, Мира — в середине, Егор замыкал первую минуту, проверяя, не появился ли выход снова. Стена оставалась цельной.

Канал был рассчитан на аварийную бригаду: узкий, без ответвлений, с кабельными лотками под потолком. На каждом десятке метров висели механические таблички. Стрелки показывали вперёд и не менялись, когда на них смотрели. Егор впервые за ночь увидел вещь, которая соглашалась иметь одно прошлое.

На восьмой минуте над ними прошла тяжёлая вибрация. С потолка посыпалась известь.

— Варят шлюз, — сказал Лев.

В тот же миг все таблички повернулись стрелками назад.

Савелий остановился.

— Мы ничего не решали.

— Решили они, — ответил Егор. — Снаружи. Для официального слоя этот сектор теперь закрыт, и канал подстраивает направление под принятое решение.

Он снял с первой таблички кожух. Под стрелкой оказалась пружина и тонкая медная тяга. Никакой электроники. Кромка не передавала сигнал из Бюро; она делала так, будто табличку изначально установили для выхода.

— Идём против стрелок, — сказал он.

— В протоколе другое, — возразила Мира. — После внешней фиксации ручной канал должен вывести к ближайшей незакреплённой точке.

— Ближайшая — грузовой тоннель.

— Если он ещё незакреплён.

— Через четыре минуты узнаем.

— Это не проверка, а надежда.

Егор посмотрел на неё. В сером чужом комбинезоне, с модулем у груди, она казалась старше ровно до того мгновения, пока не закусил внутреннюю сторону щеки — так же, как перед школьным укусом. Он хотел поставить её за собой, но проход был слишком узким, чтобы это что-нибудь изменило.

— Тогда найди на схеме другую точку, — сказал он.

Мира не стала защищать свою правоту. Увеличила слой, проверила отметки и покачала головой.

— Только тоннель.

— Идём.

Грузовой тоннель встретил их тремя воротами.

По карте ворота были одни: двустворчатые, стальные, с ручным приводом. Теперь в конце канала стояли три одинаковые пары, расходившиеся веером. За левой слышался гул вентиляции, за средней капала вода, за правой стучал незакреплённый лист железа. Пол перед каждой продолжал бетон канала без шва. Даже пыль лежала тремя достоверными полосами.

Егор достал бумажную карту. На ней тушью был нанесён один прямой тоннель. Когда он приложил лист к стене, бумага выгнулась тремя складками.

— Не трогать ворота, — сказал Нестор. — Это несовместимая развилка.

— Вижу.

— Видеть мало. За каждой уже существует причина, почему мы выбрали именно её.

Яна опустила носилки.

— Какая ведёт к Асе?

— Пока ни одна и все, — ответил Нестор. — Откроем одну — две другие станут ошибками. Всё, что окажется в них, система уберёт из общего маршрута.

— В них никого нет.

— Мы не знаем, где окажемся мы.

Мира провела модулем вдоль пола. На экране три группы шли рядом. В левой Яна несла передний шест, в средней — Лев, в правой носилки были пусты.

— Он показывает не проходы, — сказала она. — Он разделил состав по решениям.

Егор подошёл к левым воротам. На металле проявились имена: Яна, Савелий, Нестор. На средних: Егор, Мира, Лев. На правых — только Нестор.

— Почему ты в двух? — спросил Лев.

Нестор закрыл глаза.

— Потому что уже принимал здесь решение. Когда мы выходили с Асей, я вернулся к внутренней двери за Львом.

Лев резко обернулся.

— Ты сказал, что упал на лестнице.

— Если бы Яна знала, что ответник связался со мной, она не пустила бы меня обратно.

— Правильно бы сделала, — сказала Яна.

— Ася осталась там из-за меня.

— Она осталась из-за своего закрепления.

— Она вернулась за мной. Разница есть.

На правых воротах проступила новая строка: `КАЙ Н. / ВОЗВРАТ К УЧАСТНИКУ / ПОДТВЕРЖДЕНИЙ: 2`.

Егор понял устройство развилки. Кромка не выбирала самый короткий путь. Она искала решение, уже повторённое линией Нестора, и строила тоннель так, чтобы тот снова оказался человеком, который возвращается.

— Ничего не открываем, — сказал он. — Перевязываем Нестора, ищем механический обход.

Он прошёл вдоль стены. Там, где на старой карте стоял шкаф привода, теперь были три шкафа. За каждым — маховик, цепь и шкала давления. Физический обход тоже размножился.

Сверху донёсся глухой удар. Потом второй. Внешний экран входил в рабочий режим.

Лев поднял приёмник.

— Канал пропал.

Свет в проходе погас на половину, оставив аварийные полосы у пола. Средние ворота начали закрываться — хотя никто их не открывал. Пространство между створками было не тоннелем, а тем же каналом, из которого они пришли. И в нём стоял Савелий.

Он оказался в десяти шагах от группы, отделённый линией опускающегося металла.

— Не двигайся! — крикнул Егор.

Савелий бросился к ним.

Створки опустились ещё на ладонь. Чем быстрее он шёл, тем длиннее становился коридор. Десять шагов превратились в пятнадцать.

— Назад! — крикнула Мира. — Его действие удлиняет ветку!

Савелий остановился, но поздно. Ворота ударили в пол. Его силуэт остался виден через узкое армированное окно. Он бил ладонью по стеклу и что-то говорил. Звук не проходил.

На левых воротах теперь значились Яна и Савелий. На средних — Егор, Мира и Лев. Нестор остался только на правых.

— Открывай левую, — сказала Яна.

— Она отделит нас, — ответил Егор.

— Там мой человек.

— А средняя отделит тебя от него окончательно.

— Поэтому открывай левую.

Егор проверил окно. За Савелием проступала вторая версия тоннеля: светлая, сухая, ведущая к внешнему шлюзу. Если открыть левую ветвь, Яна сможет войти к нему. Возможно, они оба выйдут. Но Ася останется внутри, а Нестор — у ворот, которые строились вокруг его повторённого решения.

Нестор дёрнул ремень на груди.

— Поставьте меня на пол.

— Нет, — сказал Егор.

— Путевой ответник в правом приводе. Я тогда его не взял. Только коснулся считывателя.

— Ты принёс его с собой? — спросила Яна.

— Он принёс меня.

Нестор показал запястье. Россыпь янтарных точек сложилась в стрелку, направленную к правому шкафу.

Мира открыла протокол.

— Путевой ответник фиксирует повторяемую роль участника, — прочла она. — Не отдельный маршрут. Если активировать его сейчас, система выберет действие Нестора, которое сохраняет больше участников в одной ветви.

— Он вернётся за Савелием, — сказал Лев.

— Да. И тоннель признает это общей причиной.

— Тогда делаем.

Мира не ответила. На экране под описанием шёл список последствий. Она прокручивала его всё быстрее.

— Что там? — спросил Егор.

— Цена не для нас.

— Читай.

— Закрепляется профессиональная роль линии. У Нестора есть две устойчивые группы потомков. В одной его дочь уезжает из Крайска, её дети не работают на контуре. В другой она остаётся, а потомки возвращаются в опасные зоны как спасатели, проводники или медики. Ответник удалит первую группу как несовместимую.

Лев выдохнул ругательство.

— У меня нет дочери, — сказал Нестор.

— Сейчас нет, — ответила Мира. — Здесь расчёт после твоего лечения. Вероятность рождения — сорок один процент.

Нестор посмотрел на янтарные точки, словно они принадлежали пациенту.

— А если не включать?

— Савелий останется в левой ветви. Через одиннадцать минут внешний экран закончит фиксацию. Левую ветвь прижмёт к официальному выходу.

— Он выйдет? — спросила Яна.

— Не знаю. На схеме выход есть, но в официальном решении вход заварен. Противоречие закроется тем, что одного из этих событий не было.

Савелий снова ударил по стеклу. Теперь за ним с потолка сыпалась пыль.

Яна встала у левого привода.

— Открываем мою ветвь. Экспедиция закончена.

— Ты можешь оказаться там одна, — сказал Егор. — Состав уже меняется.

— Это мой риск.

— А Савелий не может согласиться. Мы его не слышим.

— Поэтому не будем выбирать за Несторовых внуков?

Вопрос ударил точнее, чем она, вероятно, хотела. Егор видел Миру рядом с правым шкафом, видел строку о потомках, которых ещё не существовало, и медный кулон у неё под воротом. Всё, что он делал последние пятнадцать лет, можно было описать теми же словами: сохранить ребёнка, который не может согласиться. Только Мира давно уже могла, а он продолжал не слышать.

— Есть ручной отказ? — спросил он.

Мира проверила страницу.

— Для путевого — нет. Только активация или разрушение.

— Разрушение вернёт тоннель в одно состояние?

— Нет. Оставит три ветви без общего перехода.

— Нестор, решение твоё.

— Ошибаешься, — сказал тот. — Я уже решил вернуться. Ответник именно этого и ждал. Вопрос — воспользуешься ли ты моим решением.

Егор подошёл к правому шкафу. Крышка не имела замка. Под ней лежала узкая керамическая пластина с четырьмя контактами и механическим счётчиком. На счётчике стояло `2`. Рядом имела прорезь для бумажной ленты.

— Как включить?

— Прижать мою метку к считывателю и назвать участника, за которым возвращаюсь.

— Савелий, — сказал Лев.

— Нет. Ответник считает участником того, ради кого было первое решение. Тогда это был ты.

Лев отступил.

— Но отрезан Сава.

— Закрепляется роль, а не человек, — напомнила Мира. — Нестор возвращается за участником группы. Система перестроит причину так, чтобы это спасло остальных.

— Или заставит его снова пойти за Львом, — сказал Егор.

— Протокол не обещает результат. Только максимальную совместимость состава.

За окном погас один из светильников. Савелий прижался к стеклу лицом. На воротах появился таймер: десять минут.

Егор снял Нестора с носилок вместе с жёсткой спинкой и подтащил к шкафу. Тот застонал, когда сломанная нога качнулась. Яна помогла удержать его, хотя ещё секунду назад спорила.

— Последний раз спрашиваю, — сказал Егор. — Ты согласен закрепить возврат?

— Я согласен вернуть людей, которые здесь сейчас.

— Это не одно и то же.

— Здесь ничего не одно и то же. Включай.

Мира схватила Егора за рукав.

— Папа. На счётчике два подтверждения. Третье сделает роль устойчивой.

— Если не сделаем, потеряем Савелия.

— Я знаю. Просто скажи вслух, что именно выбираешь.

Он хотел ответить, что выбирает жизнь. Это было бы удобно и неправда. Жизнь будущих людей тоже лежала на весах — не их тела, а возможность однажды не войти в опасный сектор, не вернуться за чужим человеком, не считать риск единственной достойной профессией.

— Я выбираю использовать решение Нестора, чтобы вывести Савелия и сохранить группу, — сказал Егор. — И закрепляю за его линией цену, которой эти люди не выбирали.

Мира отпустила рукав.

Он прижал запястье Нестора к керамической пластине.

— Участник? — спросил бесцветный голос из шкафа.

Нестор посмотрел на Льва.

— Лев Ордан. Я вернусь за ним.

Счётчик щёлкнул и показал `3`.

Сначала ничего не произошло. Потом правые ворота открылись в узкий тёмный коридор. Нестор потянулся вперёд, будто его дёрнули за грудь. Егор удержал спинку носилок.

— Не пускай! — крикнула Мира. — Решение уже принято, идти должен маршрут!

Тёмный коридор вывернулся наружу. Стены прошли сквозь друг друга без звука. Левые ворота оказались напротив правых, а Савелий — в трёх шагах от Нестора. Лев стоял между ними, хотя не двигался с места. На короткое мгновение Егор увидел сразу три его фигуры: одна ждала у носилок, вторая лежала под обвалившейся балкой, третья уходила к официальному выходу. Нестор протянул руку к ближайшей.

— Здесь, — сказал он.

Фигуры совпали.

Савелий упал на колени по эту сторону ворот. Яна втащила его за воротник. Створки закрылись, но теперь за ними был один грузовой тоннель — тот, что шёл вглубь Б-9.

На полу остались две вещи: бумажная карта Егора и длинная лента, выползавшая из ответника.

Савелий кашлял и ощупывал руки. На его комбинезоне лежала белая пыль, которой не было в общей ветви. Лев стоял неподвижно.

— Я помню, как ушёл, — сказал он. — И как остался. В одном варианте Нестор не вернулся за мной тогда.

— Это пройдёт, — сказал Нестор.

— Откуда знаешь?

— Не знаю.

Яна проверила Савелию зрачки и только потом повернулась к Егору.

— Ты спас его.

В её голосе не было благодарности. Егор был ей за это благодарен.

Мира подняла ленту. Первые строки содержали журнал активации: имя Нестора, повторённая роль, трое сохранённых участников, одна сведённая ветвь. Ниже шла таблица вариантов.

До активации система насчитывала у линии Кая сто восемьдесят четыре допустимых профессиональных маршрута в трёх поколениях. После — двадцать семь. Все двадцать семь включали возвращение в Кромку или работу с причинным риском. Строки «преподаватель», «портовый диспетчер», «ремонтник морских турбин», «врач городской клиники» были пере-

чёркнуты не как запрещённые профессии, а как несовместимые причины рождения следующего поколения.

— Вот цена, — сказала Мира. — Сто пятьдесят семь вариантов.

Нестор попросил ленту. Читал долго, держа её обеими руками.

— Там есть имена?

— Нет, — ответила Мира. — Только вероятности.

— Значит, это могли быть не люди.

— Могли. А могли стать.

Он сложил ленту по таблице, но она не рвалась. Тогда Нестор вернул её Мире.

— Сохрани.

Егор поднял свою карту. Три складки исчезли, зато на прямой линии тоннеля появилась новая тушевая отметка: стрелка внутрь. Он провёл по ней пальцем. Краска высохла много лет назад.

Вот что делал ответник. Не карал, не брал плату, не торговался. Он исправлял доказательства так, чтобы насилие выглядело давней необходимостью.

— До Аси сорок минут, — сказал Нестор. — Если тоннель остался тем же.

— Он не остался, — ответил Егор. — Теперь у него есть причина вести нас туда.

Лев поднял носилки. Савелий занял второй конец, хотя Яна велела ему идти налегке. Мира свернула распечатку и убрала в прозрачный карман рядом со своим договором.

Из шкафа донёсся новый щелчок.

Ответник печатал ещё одну ленту.

Егор вытащил её прежде, чем бумага коснулась пыльного пола. Вверху стоял тот же номер протокола, но вместо имени Нестора — обозначение центрального узла `НАСЛЕДИЕ / МАТРИЦА-1`.

`НАКОПЛЕН ПОРОГ СОВМЕСТИМОСТИ: 93,8%`

`ОЖИДАЕМОЕ ДОСТИЖЕНИЕ ПОРОГА: 6 СУТОК`

Ниже была напечатана точная дата и время запуска.

Через шесть дней, в полдень.

То самое число Яна выкладывала медными шайбами на столе. То самое окно оставалось у Миры до закрепления назначенной ветви. Егор считал его слухом, угрозой, способом заставить его отдать карту. Но путевой ответник не знал Яну и не умел торговаться.

В конце ленты появилась последняя строка:

`ПРИОРИТЕТНАЯ ЛИНИЯ СОГЛАСОВАНИЯ: ТАЛЬ.`

Мира прочла через его плечо.

— Моя или мамина?

Егор посмотрел в тоннель, где аварийные огни один за другим загорались в глубину.

— Теперь нам придётся узнать.

Глава 6. Кордон Лады Рен

Когда сварщик прожёл первый шов, граница Кромки сдвинулась на восемь сантиметров к жилому кварталу.

Никто, кроме Лады, этого не заметил. Люди у северного шлюза смотрели на ослепительную дугу, на искры и на чёрный проём между броневыми створками. Лада смотрела на три репера, выведенные на экран её планшета. Сорок седьмой ещё ночью стоял западнее. Теперь все три медленно ползли в одном направлении, будто город наклонили.

— Остановить сварку, — сказала она.

Командир режима майор Воронцов не сразу понял, что приказ относится к нему. Он стоял у мобильного экрана в тяжёлом защитном жилете и держал шлем под мышкой. Сюда он привёл две машины, двенадцать человек и сапёрную группу — достаточно, чтобы закрыть тоннель, задержать незаконную экспедицию и потом объяснить любое количество обломков причинной утечкой.

— Шов почти готов, — сказал он.

— Поэтому остановить сейчас.

Воронцов поднял два пальца. Сварщик отпустил рычаг. В наступившей темноте на металле ещё секунду жил красный рубец.

— Основание? — спросил майор.

Лада развернула к нему планшет.

— Реперная триангуляция. За четыре минуты граница прибавила восемь сантиметров по фронту в четырёста метров.

— Погрешность от экрана.

— Экран ещё не набрал мощности.

— Тогда температурная деформация.

— Одинаковая на трёх фундаментах разной глубины?

Воронцов не ответил. Он не был глуп. Это делало его опаснее людей, которым достаточно приказа: разумный исполнитель всегда умел построить объяснение, почему именно сейчас правила следует упростить.

За ограждением собрались ночные ремонтники, жильцы ближайших домов и те, кто приходил к Кромке на любое движение машин Бюро. Патруль оттеснял их к котельной. На верхних этажах общежития горели окна. До первого жилого корпуса было восемьсот двадцать метров.

При нынешней скорости — меньше суток.

— Внутри семь нарушителей, — сказал Воронцов. — Один из них Таль. Его служебный ключ открыл закрытый сектор. Девочка с активной меткой тоже там. Чем дольше мы ждём, тем выше риск прорыва.

— Внутри восемь человек, если Ася Корд жива.

— Сборщица Корд объявлена пропавшей. Юридически её положение не подтверждено.

— Кромка не читает юридические статусы.

— Но приказ о локализации читали мы оба.

Он показал бумажный лист в прозрачном планшете. Подпись заместителя председателя городского контура появилась двадцать минут назад. Локализовать Б-9 любыми средствами при подтверждённом проникновении. Не допустить выноса активных объектов. При необходимости обрушить грузовой тоннель.

Подписи Лады там не было.

— Кто сообщил о проникновении? — спросила она.

— Ваш внешний пост.

— Мой пост сообщил об исчезновении сигнала у ручного канала. Это не подтверждение проникновения.

— Семантика.

— Причинность и состоит из семантики, майор. Неправильно названное действие здесь становится неправильно построенной стеной.

Она открыла архив сдвигов. Пятнадцать лет назад, в первые часы аварии, инженеры пытались отсечь центральный сектор физическими взрывами. Каждый уничтоженный проход возникал снова там, где вероятность человеческого решения пройти внутрь оставалась выше порога. За сорок минут Кромка получила одиннадцать новых входов. Один открылся в подвале родильного корпуса.

Лада была там, когда из стены вынули дверь вместе с двумя метрами бетона. За дверью находился коридор проекта, которого никогда не строили. На полу лежали детские браслеты с фамилиями ещё не рождённых людей.

Эту фотографию она Воронцову не показала. Показала график.

— Последний управляемый обвал расширил границу на двести тридцать метров, — сказала она. — Взрыв тоннеля создаст решение войти с другой стороны. Ближайшая зона реализации — жилые подвалы за котельной.

— Расчёт пятнадцатилетней давности.

— Модель обновилась ночью.

— Кем?

— Мной.

Воронцов посмотрел внимательнее.

— Без регистрации задания?

— Да.

Теперь разговор стал официальным. До этого они спорили о способе выполнить приказ. После признания Лады — о её праве командовать.

— Передайте модель в оперативный штаб, — сказал он. — До решения штаба я продолжаю локализацию.

— Вы продолжите наблюдение. Сварка прекращена. Заряды не устанавливать.

— Полковник Рен, ваше подразделение отвечает за преемственность. Силовое закрытие — моя компетенция.

Лада сняла перчатку и приложила ладонь к планшету. Приказ ушёл всем постам кордона: запрет огневого и взрывного воздействия на сектор Б-9. Основание — угроза причинного расширения первой степени. Её персональный ключ лёг поверх приказа Воронцова.

Майор прочёл уведомление на своём экране.

— Вы понимаете, что только что приняли ответственность за выход активной метки в город?

— Она уже живёт в городе пятнадцать лет.

— Девочка Таль — не просто носитель. По последнему прогнозу её линия приоритетна для матрицы.

Лада не спросила, откуда он это знает. Доступ к такому прогнозу имели пять человек, ни один не служил в режиме. Значит, приказ пришёл не ради ловли сборщиков. Кто-то над Воронцовым решил, что центральный запуск можно защитить, уничтожив все неуправляемые пути к нему.

— Кто дал вам приложение к приказу? — спросила она.

— Оно пришло по закрытому каналу.

— Назовите подписанта.

— В приложении машинная верификация.

— То есть никто не подписал.

Воронцов надел шлем.

— Это не отменяет подлинность.

— В проекте «Наследие» именно так говорили об ответах из будущего.

Она оставила его у шлюза и вошла в мобильный штаб. Внутри пахло пластиком и крепким кофе. На стене висела карта северного района. Красная линия Кромки была проведена по данным часовой давности; Лада включила текущий слой. Между линиями оказался край теплового узла, два склада и половина двора общежития.

Инженер Бюро Тимур Соль сидел перед тремя экранами. Он приехал с ней от сорок седьмого репера и с тех пор не задавал вопросов, на которые не хотел услышать ответ.

— Подтверди смещение независимо, — сказала Лада.

— Уже. Семь и восемь десятых по северной паре, восемь и две по южной. Ускорение после начала сварки.

— Прогноз до полудня.

Тимур вывел веер линий. Большинство останавливалось у теплотрассы. Три пересекали жилой квартал. Одна проходила через школу.

— Почему такой разброс?

— Модель ждёт решения кордона. Если уйдём, фронт замедлится. Если обрушим тоннель — откроются от двух до пяти замещающих входов.

— Центральный узел?

— Порог девяносто три и восемь. До запуска шесть суток, если не будет крупной фиксации.

— Источник?

— Пакет самодиагностики пришёл за секунду до того, как ручной канал пропал. Адресат — ваш старый сертификат.

Сертификат Лады отозвали через сутки после аварии. Она сама смотрела, как его ключи уничтожают в изолированном модуле. Но проект продолжал считать её инженером, потому что в одной из вероятных историй отзыва не произошло.

— Линия согласования?

Тимур задержал ладонь над экраном.

— Таль.

— Какая из них?

— Система не разделяет Серу и Миру. Для матрицы это одна последовательность допуска.

Лада закрыла прогноз. Пятнадцать лет она добивалась запуска, который должен был стабилизировать границу. Все модели говорили одно: без центральной фиксации Кромка будет расширяться, пока не включит в себя достаточно людей для устойчивой обратной связи. Не город и не область — популяцию. Матрица предлагала остановить это одной совместимой ветвью.

Цена оставалась прежней. Все остальные ветви становились ошибками.

Раньше Лада могла говорить себе, что согласование проведёт взрослая Сера Таль. Потом — что матрица примет сохранённый сертификат. Теперь пятнадцатилетняя девочка вошла в сектор, а система снова ожила.

— Мы идём внутрь, — сказала она.

Тимур повернулся.

— Кордон не даст.

— Кордон получил запрет воздействия.

— Воронцов получил его. Это не одно и то же.

Лада открыла шкаф с полевыми комплектами.

— Возьми пассивный измеритель, бумажный журнал и два экрана малой мощности. Оружие оставь.

— Кто третий?

— Врач.

— А охрана?

— Если Таль захочет меня убить, охрана только подарит ему оружие.

Тимур начал собирать комплект. Он не спросил, зачем идти лично. Вероятно, понимал: отдав приказ остаться снаружи, Лада позволила бы другим принять решение за неё. Кромка любила такие уступки. Потом выяснилось, что решение всегда принадлежало тому, кто первым назвал его неизбежным.

У выхода из штаба её ждал Воронцов.

— Ваш запрет зарегистрирован, — сказал он. — Оперативный штаб требует подтверждающие данные.

— Тимур передаст.

— Куда вы собрались?

— Вернуть носителя приоритетной линии и карты.

— Это задача группы захвата.

— Группа захвата повысит вероятность активации ответников. Внутрь войдут трое без автономного оружия.

— Я не согласую.

— Мне не требуется ваше согласование.

Воронцов приблизился так, чтобы разговор не слышали подчинённые.

— Через двадцать минут сюда прибудет представитель штаба. Ваш приказ отменяют. Вы отдали Талю служебный коридор, позволили дочери уйти в сектор и теперь хотите принести им действующий ключ Бюро.

— Мой ключ не действует.

— Тогда зачем вы им нужны?

Лада посмотрела на заваренный наполовину шлюз.

— Чтобы сказать правду раньше, чем матрица скажет её за меня.

Майор отступил. В его лице впервые появилась не служебная жёсткость, а отвращение.

— Значит, вы всё-таки знаете, что там.

— Знаю, что будет с городом, если вы взорвёте тоннель.

— Не одно и то же.

— Нет.

Она выбрала врача из дежурной бригады — капитана Ирину Веш, которая лечила людей внешнего контура и умела не задавать пациенту вопрос о законности травмы до остановки крови. Ирина взяла мягкую сумку, сняла кобуру и молча передала её Воронцову.

К официальному шлюзу они не подошли. Тимур нашёл вход `СЕРА-3` по остаточному полю, но бетонная плита снова лежала на месте. Зелёный лист исчез. Вместо него кто-то когда-то нарисовал белый круг.

— Канал сменил опознавательный знак, — сказал Тимур.

— Нет. Это мы пришли с другим решением.

Лада присела у плиты. На краю оставалась свежая царапина от ключа Егора. Физический след принадлежал обоим версиям. Она вставила в него плоский рычаг.

Воронцов наблюдал из-за ленты оцепления.

— Через пятнадцать минут я закрою сектор независимо от вашего положения, — крикнул он.

— Если примените заряд, приказ станет доказательством умысла.

— Если из-за вас граница войдёт в квартал, приказ станет эпитафией.

Лада не ответила. Вместе с Тимуром они сдвинули плиту.

Белая дверь внизу показала две ладони. Большую и маленькую.

— Две линии, — сказал Тимур. — У нас три.

— Врач остаётся независимой, — решила Лада. — Если канал разделит состав, у неё не должно быть общего решения с нами.

Они приложили ладони. Дверь спросила о действии.

— Войти и вывести людей, — сказал Тимур.

Контуры вспыхнули красным.

— Одно действие, — сказала Лада. — Проект не принимает обещаний.

Она вспомнила Серу. Та ненавидела формулировки, в которых цель маскировала второе решение. «Спаси и сохрани контроль» означало прежде всего сохранить контроль. «Предупредить и не вызвать панику» означало скрыть предупреждение.

— Войти, — произнесла Лада.

Тимур повторил. Дверь исчезла.

Таблички в канале показывали назад, но они пошли против стрелок. Через семь минут измеритель Тимура зарегистрировал устойчивую ветвь впереди. Через девять они услышали голоса.

Егор встретил их у поворота с монтажным ключом в руке. За ним стояла Яна Вей, державшая короткий арбалет с ручным спуском. Мира была дальше, возле носилок. Увидев Ладу, она не спряталась за отца — подняла модуль, словно собиралась считывать её показания.

— Трое, — сказал Егор. — Остальные где?

— Снаружи.

— Это я вижу. Заряды установили?

— Воронцов намерен обрушить тоннель. Я запретила.

— Намерение не снято запретом.

— Поэтому у нас мало времени.

Яна не опустила арбалет.

— У нас одна раненая впереди и один перелом здесь. Если вы пришли за картами, встаньте в очередь.

Ирина уже увидела Нестора.

— Мне нужно к нему.

— Проходите, — сказал Нестор прежде, чем Яна успела решить.

Врач показала пустые руки, медленно приблизилась и опустилась возле носилок. Савелий передал ей журнал времени и доз обезболивающего. Пока она осматривала ногу, две группы продолжали стоять друг напротив друга.

Лада заметила бумажную ленту в прозрачном кармане Мира.

— Вы активировали путевой ответник.

— Мы спасли человека, — сказал Егор.

— И закрепили линию.

— Сто пятьдесят семь потерянных маршрутов, — уточнила Мира. — Двадцать семь оставшихся. У вас в отчётах тоже есть такие числа?

— Есть.

Егор посмотрел на Ладу так, будто ожидал отрицания и теперь ненавидел её за честность больше.

— Покажи им прогноз, — сказала она Тимуру.

На стену лёг веер красных линий. Текущая граница, варианты до полудня, жилые корпуса, школа. Тимур добавил архивную модель обвалов. Возле северного тоннеля возникли пять возможных замещающих входов.

— Это можно нарисовать где угодно, — сказала Яна.

— Поэтому вот сырые замеры.

Тимур протянул Мире бумажный журнал. Не Егору и не Яне. Девочка сравнила номера реперов со служебным слоем на своём модуле, пересчитала скорость и побледнела.

— Восемь сантиметров за четыре минуты, — сказала она.

— После остановки сварки скорость упала, — ответила Лада. — Но не до нуля.

— Почему Кромка расширяется сейчас?

— Центральная матрица приближается к порогу. Она ищет достаточную группу связанных линий. Любое силовое закрытие повышает вероятность обходного решения.

— А запуск остановит расширение? — спросил Егор.

— По всем моделям — да.

— Какой ценой?

Лада посмотрела на Миру.

— Матрица закрепит единственную ветвь, в которой человеческая популяция сохраняется выше критического порога.

— И сколько маршрутов перечеркнёт? — спросила Мира.

— Мы не можем посчитать индивидуальные.

— Не можете или не хотите печатать такой длинный список?

Тимур отвёл глаза. Лада не позволила себе этого.

— Миллиарды.

В тоннеле стало слышно, как Ирина разрезает ремень на шине Нестора.

— Значит, вы пришли запустить её моей линией, — сказала Мира.

— Я пришла вывести тебя и не дать Воронцову взорвать тоннель.

— А через шесть дней?

— Через шесть дней город может оказаться внутри Кромки.

— Это не ответ.

— Другого у меня пока нет.

Егор шагнул вперёд.

— У тебя был ответ пятнадцать лет. Ты исправила время смерти Серы, спрятала её роль и подписала надзор за Мирой.

— Надзор подписал ты.

— По твоему прогнозу.

— По прогнозу, который показывал исчезновение её линии при любом выезде.

— Не смерть. Отказ жить по назначенной ветви.

— Тогда мы не знали разницы.

— А когда узнали?

Лада могла назвать год, месяц и день. Могла вспомнить совещание, на котором термин «гибель линии» заменили на «прекращение учётной последовательности», не уведомив семьи. Она голосовала против формулировки и за сохранение режима. Так компромисс стал политикой, а политика — судьбой Миры.

— Через четыре года после аварии, — сказала она.

Мира сжала модуль.

— Мне было четыре.

— Да.

— И вы оставили метку.

— Да.

Егор поднял ключ. Яна натянула тетиву. Тимур не двинулся. Лада видела, как легко следующая секунда могла получить единственную причину.

— Если хотите судить меня, выйдем живыми, — сказала она. — Сейчас у нас общая задача. Воронцов получит отмену моего запрета не позднее чем через десять минут. Ася Корд

впереди. Обратный канал уже нестабилен. Я предлагаю временный союз до внутреннего экранированного узла.

— Условия, — сказала Яна.

— Бюро не изымает карты и находки до выхода. Вы не активируете ответники без общего согласия. Ирина стабилизирует Нестора и Асю. Тимур ведёт замеры. Мира читает протоколы. Егор выбирает физический маршрут.

— А вы? — спросила Мира.

— Я открываю служебные отказы и отменяю решения кордона, пока мой ключ принимают.

— И не прикасаетесь к моей линии.

— Без твоего согласия — нет.

Егор повернулся к дочери.

— Не верь.

— Я и не обязана верить, — сказала Мира. — Пусть запишет.

Яна достала карточку. Лада прочла условия дважды и подписала полным именем. Мира добавила строку: `Данные о матрице передаются всем участникам одновременно`. Лада поставила вторую подпись.

В этот момент приёмник Тимура ожил.

— Полковник Рен, — голос Воронцова пробивался сквозь помехи, — ваш запрет отменён оперативным штабом. Покиньте сектор. До локализации три минуты.

Лада взяла приёмник.

— Подтвердите тип воздействия.

— Направленное обрушение внешнего тоннеля.

— Оно создаст замещающие входы в жилом квартале. Данные переданы.

— Штаб признал модель неподтверждённой.

— Тогда зарегистрируйте мой прямой запрет как бывшего инженера причинной безопасности проекта.

Пауза длилась две секунды.

— Ваш проектный сертификат недействителен.

— Для Кромки — действителен.

— У вас две минуты.

Связь оборвалась.

Тимур посмотрел на измеритель.

— Он начал зарядку экрана на максимум.

— Идём внутрь, — сказал Егор. — Там несущая развилка. Если успеем за неё, направленный удар не достанет.

Ирина закрепила новую шину. Лев и Савелий подняли Нестора. Яна убрала карточку с подписью Лады. Группа двинулась быстрее, чем позволял тоннель.

Они прошли первый поворот, когда снаружи ударило.

Не взрыв — короткая очередь тяжёлых импульсных болтов. Кто-то открыл огонь до завершения отсчёта.

Первый болт пробил стену позади Ирины и ушёл в бетон. Второй попал в кабельный лоток. Свет погас. Третий не вошёл в тоннель: на месте удара возникла белая дверь, и за ней на долю секунды показался освещённый двор общежития.

— Воронцов? — крикнул Егор.

Лада увидела на приёмнике пустой командный канал. Майор не отдавал приказа.

Четвёртый болт ударил ближе. Потолок раскрылся трещиной.

— Нет, — сказала она. — Кто-то решил не ждать даже его.

Глава 7. Обвал возможного

Первой посыпалась не пыль — мелкие белые карточки.

Они вылетали из трещины в потолке, кружились в погасшем тоннеле и липли к мокрому бетону. На каждой было напечатано решение, которого никто ещё не принимал: `ОСТАТЬСЯ В КРАЙСКЕ`, `ПРОЙТИ ОПЕРАТОРСКИЙ КУРС`, `ПОДТВЕРДИТЬ СОЮЗ`. Мира поймала одну тыльной стороной ладони. Под строкой стояло её имя.

Пятый импульс ударил снаружи. Пол ушёл вниз на пол-ладони, Несторовы носилки качнулись, и Ирина легла на него всем телом, удерживая шину. Из потолка вырвался кабель. Он хлестнул стену там, где секунду назад стоял Тимур.

— К несущей развилке! — крикнул Егор.

— Её уже нет, — ответила Мира.

На его карте развилка ещё светилась зелёным. Впереди вместо неё сходились две стены, медленно сминая проход. Между ними оставалась щель шириной с плечо. За щелью дрожал ровный белый свет.

Лада подняла приёмник.

— Воронцов, прекратить воздействие. В секторе люди.

Приёмник отвечал шорохом. Потом сквозь него прорезался чужой голос, слишком чистый для полевого канала:

— Носителю линии Таль доступна безопасная эвакуация. Подтвердите устойчивый профессиональный маршрут.

На стене возникла дверь. Не та пустая плоскость, через которую они входили. Эта была похожа на вход в учебный корпус Бюро: серое стекло, жёлтая полоса, считыватель на высоте Мириной груди. За стеклом виднелся освещённый коридор. В конце коридора стояли люди в форме операторского курса.

— Ответник, — сказал Тимур. — Он поймал её пакет из городского реестра.

— И удар дал ему питание, — добавила Лада.

Новый толчок согнул кабельный лоток. Щель у несущей развилки стала уже.

— Сколько человек пропустит? — спросила Яна.

Тимур навёл пассивный измеритель на дверь.

— Всех, кто связан с текущим решением Мира. Если она подтвердит поступление, система построит коридор до внешнего контура.

— Тогда подтверждай, — сказал Лев. — Отменишь потом.

Мира смотрела не на него, а на Егора.

Отец понял вопрос. По его лицу прошла та короткая судорога, которая всегда появлялась перед ложью из лучших побуждений.

— Ответник закрепит не заявление, — сказал он. — Маршрут.

— Насколько?

— Не знаю.

— Ты знаешь достаточно.

— До первого союза, вероятно. Может быть, дальше.

На сером стекле проступил текст:

`ТАЛЬ МИРА ЕГОРОВНА.`

`ОПЕРАТОРСКИЙ КУРС: ПРИНЯТ.`

`МЕСТО ПРОЖИВАНИЯ: КРАЙСК.`

`СОЮЗ: ПО РЕКОМЕНДАЦИИ ПРЕЕМСТВЕННОСТИ.`

Ниже бежали мелкие строки. Выбор специализации. Допуск к выезду. Перечень медицинских обследований. Даты, в которые она должна была явиться и доказать, что всё ещё пригодна для чьего-то будущего.

— Мира, — сказала Ирина, не поднимаясь от носилок, — у нас минуты. У Нестора началось кровотечение. Я не довезу его по осыпающемуся тоннелю.

Это не было требованием. Именно поэтому прозвучало страшнее.

Мира положила карточку на пол. Белая бумага тут же прилипла к бетону, словно пролежала здесь пятнадцать лет.

— Если я соглашусь, он точно откроется?

— Вероятность девяносто четыре процента, — ответил Тимур.

— А остальные шесть?

— Коридор откроется не туда. Или не для всех.

— Хорошая у вас безопасность.

Лада сделала шаг к считывателю и остановилась, не коснувшись его.

— Я могу внести временное подтверждение своим сертификатом.

— Вы подписали, что не прикасаетесь к моей линии.

— Поэтому спрашиваю.

— А временное потом станет постоянным?

— Ответник считает осуществлённое решение фактом. Отозвать запись можно. Отозвать причинный след нельзя.

Егор встал между Мирой и дверью.

— Ищем другой путь.

— На твоей карте его нет, — сказала Яна.

— Значит, ищем без карты.

Он сказал это сразу. Не предложил подтвердить, не попросил Миру потерпеть до выхода, не назвал её жизнь меньшей платой за девять чужих. Всего лишь встал перед готовым коридором, заслонив его собой.

Мира почувствовала благодарность — и тут же разозлилась на неё. Отец пятнадцать лет выбирал за неё. Один правильный ответ не стирал подпись под надзором.

Шестой удар пришёл снизу. Светлая дверь стала ярче, а стена над ней треснула.

— Девяносто секунд до потери этого объёма, — сказал Тимур.

— Что значит потери? — спросил Савелий.

— Значит, здесь будет другой тоннель. Возможно, без нас.

Мира достала экзаменационный модуль. Цифровая карта плясала: маршруты Егора то сходились, то накладывались на двор общежития, возникший после обстрела. Она отключила причинный слой. Остался простой строительный чертёж — стены, кабельные ниши, вентиляция. Старый кэш проекта показывал под ними ещё одну сетку, тонкую и красную.

Сера оставила её не как маршрут. Как перечень отказов.

В главном протоколе ручные узлы были перечёркнуты, но стендовый кэш хранил номера изменений. `P-12`, `P-14`, `P-17`. Возле каждого стоял один и тот же значок: незамкнутая скоба.

— Что это? — Мира показала экран Ладе.

Та наклонилась ближе.

— Ручные размыкатели контура. Их убрали до запуска.

— Убрали или вычеркнули?

Лада увеличила схему.

— По журналу — демонтировали.

— А на чертеже матери они остались.

Егор уже смотрел поверх её плеча.

— Ближайший за этой стеной.

Он постучал монтажным ключом по бетону справа от ответника. Звук был глухим.

Мира сдвинулась на два шага к щели. Там звук стал выше. Под слоем серой краски проступала тонкая вертикальная линия.

— Не за стеной. В стене.

Яна и Лев вогнали плоские концы инструментов в шов. Бетонная панель не поддавалась. Савелий поставил носилки на уцелевший участок пола и помог им. Восьмером они могли бы сорвать панель быстро, но Нестор не мог встать, Ирина удерживала его ногу, а Тимур следил за полем. Лада продолжала вызывать внешний контур.

Мира провела пальцами по шву. Слева на уровне колена нашлась круглая заглушка. Под ней не было замка — только две узкие прорези и надпись, забитая краской.

Она соскоблила покрытие медным кулоном.

‘НЕ СОГЛАСОВЫВАТЬ. РАЗОМКНУТЬ ВРУЧНУЮ.’

Под строкой стоял сертификат Серы Таль.

— Мама знала, — сказала Мира.

Егор коснулся надписи. Всего один раз, будто проверял, настоящая ли поверхность.

— Знала что?

— Что согласие станут получать, когда отказаться невозможно.

Лада опустила приёмник.

— Эти узлы Сера проектировала для испытаний. Основной контур не должен был принимать решение, пока человек заперт внутри аварийного сектора.

— А потом?

— Комиссия сочла ручной отказ уязвимостью.

— Вы были в комиссии?

Лада не отвела взгляда.

— Да.

— И проголосовали убрать?

— Я проголосовала оставить два узла под двойным контролем. Большинство решило убрать все.

— Но мама их не убрала.

— Похоже, нет.

Тоннель содрогнулся. Серая дверь предложила подтвердить маршрут голосом. Слова операторского обещания медленно поплыли по стеклу.

— Мира, решай, — сказал Тимур. — Тридцать восемь секунд.

Медный кулон входил в одну прорезь. Во вторую подходил плоский край Егоровой линейки. Но ручки были разнесены так, чтобы один человек не мог повернуть обе.

— Папа, сюда.

Егор вставил линейку.

— В какую сторону?

На заглушке не было стрелок. Только две ладони: большая и маленькая, как на двери канала ‘СЕРА-3’. Под маленькой процарапано: ‘выбирает носитель’. Под большой: ‘свидетельствует связанный’.

Мира взялась за кулон.

— Я поворачиваю первой. Ты повторяешь, а не ведёшь.

— Понял.

— Скажи нормально.

Егор посмотрел на неё.

— Ты выбираешь. Я подтверждаю, что видел твой выбор и не заменил его своим.

Мира повернула кулон против часовой стрелки. Металл сопротивлялся, врезался в пальцы. Егор не двигался, пока её прорезь не дошла до упора. Потом повернул линейку в ту же сторону.

В стене щёлкнуло.

Белая дверь погасла.

Коридор Бюро за стеклом исчез вместе с людьми в форме, а серое стекло стало обычной бетонной панелью. На модуле Миры одна за другой погасли строки устойчивого маршрута. Не отменились — перестали быть единственным выходом.

Из шва пахнуло холодным воздухом.

— Тяните! — крикнула Яна.

Панель вышла на несколько сантиметров. За ней обнаружился не проход, а узкая техническая шахта с механической лестницей. Внизу темнела площадка.

— Носилки не пройдут, — сказала Ирина.

— Пройдут вертикально, — ответил Савелий. — Если снимем дуги.

— Тогда ногу ничто не удержит.

Нестор открыл глаза.

— Удержит Лев.

Лев побледнел.

— Я не медик.

— Ты тот, за кем я вернулся. Будешь полезным.

Первой вниз ушла Яна, проверяя ступени. За ней Тимур спустил измеритель на шнуре. Поле в шахте оказалось слабее, но не нулевым. Савелий и Лев сняли верхние дуги носилок, Ирина закрепила ногу Нестора к своему предплечью широким ремнём.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.